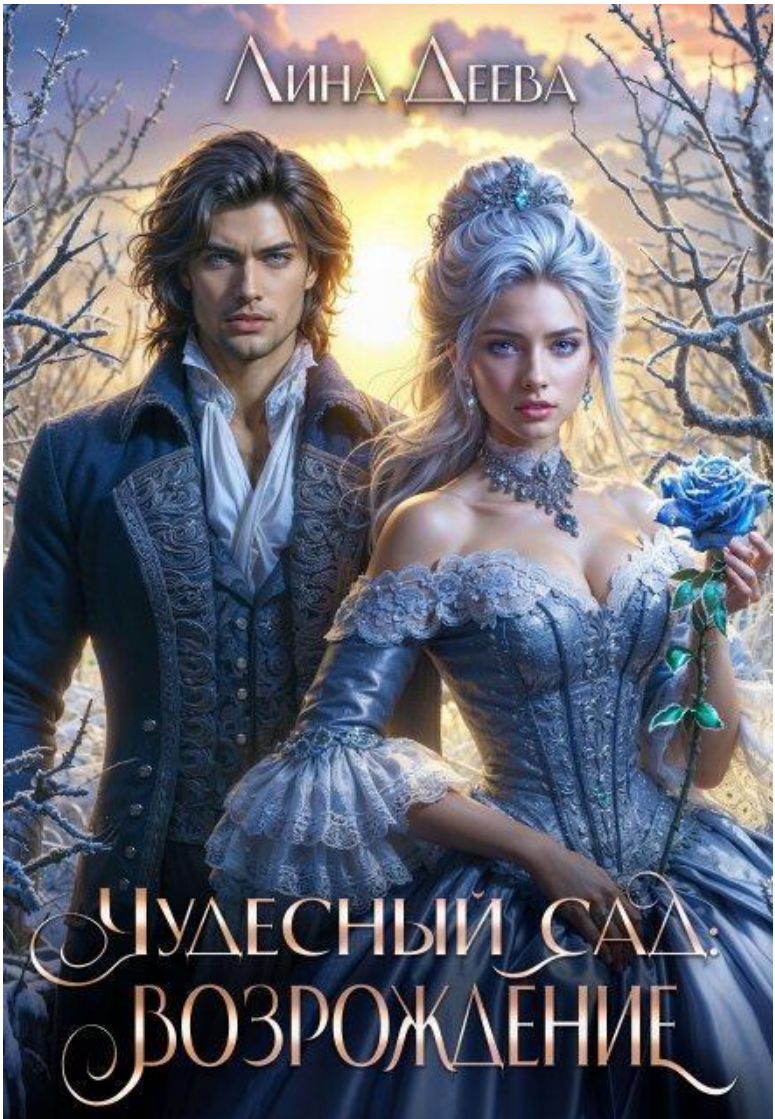

Лина Деева
Чудесный сад:
возрождение

Лина Деева

Чудесный сад: возрождение

https://litres.ru/74698293

Аннотация

Замок Колдшир разрушен, но чудесные розы выжили. А значит, всё можно восстановить: нужны лишь время и, главное, деньги.

Внезапно оказывается, что в завещании моего погибшего мужа указан другой наследник. Помощь предлагает король, однако на условиях, которые для меня неприемлемы.

И всё же я найду способ возродить имение. Не будь я леди Мэриан Каннингем, попаданка!

Продолжение полюбившейся читателям истории "Чудесный сад жены-попаданки"

Есть буктрейлер

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	84
Глава 15	90
Глава 16	98
Глава 17	106
Глава 18	112
Глава 19	118
Глава 20	123
Глава 21	131
Глава 22	140
Глава 23	146

Глава 24 151
Глава 25 159
Глава 26 165
Глава 27 172
Глава 28 178
Глава 29 184
Глава 30 189
Глава 31 194
Конец ознакомительного фрагмента. 196

Глава 1

Уезжали ранним утром, пасмурным и зябким. Низкое, асфальтового цвета небо, казалось, вот-вот расплачется, а тяжёлые тучи так и норовили зацепиться за шпили уцелевших колдширских башен.

— Ну ведь как нарочно! — вздохнул Стини, запрокинув голову к небесной хмари. — Как вам ехать, гсжа, так погода и тогось.

— Ничего страшного, — успокоила я привратника. — Наоборот, нежарко будет. И вообще, есть примета, — в моём мире, правда, — что дождь в дорогу — добрый знак. Это природа плачет о том, что уезжает хороший человек.

— Вот прям про хорошего человека верно! — подхватил второй привратник, Том. — Эх, гсжа, как мы тута будем, без вас-то?

— Справитесь, — твёрдо сказала я, хотя на душе скрёб добрый десяток кошек. — Главное, не пускайте в замок чужих, а если что, сразу шлите весточку лорду Эйнсли.

— Да мы помним, гсжа, — снова вздохнул Стини. — Ток

всё равно тяжко.

Я понимала: у самой было чувство, будто оставляю тяжелобольного родственника на откуп сиделкам. И если бы можно было решить дела с наследством, сидя в Колдшире, я бы ни за что не поехала в столицу.

Послышались цокот копыт и шум колёс, и во двор въехала дорожная карета, запряжённая четвёркой лошадей. Её сопровождал конный Эйнсли, который, заметив меня, немедленно спешился и не глядя бросил поводья Стини.

— Доброе утро, леди Каннингем. — Лорд отвесил мне элегантный поклон. — Ваш экипаж прибыл.

— Доброе, лорд Эйнсли. — Я постаралась, чтобы это прозвучало искренне — не хватало нечаянно задеть его своим нерадостным настроением. — Ещё раз благодарю за ваши доброту и щедрость.

Эйнсли приосанился.

— Ещё раз говорю, что не стоит благодарности, леди Каннингем. Путь до столицы неблизкий, и его куда приятнее проделать в дормезе, сделанном на континенте, чем в вашей карете. Не в обиду будет сказано, но по ту сторону пролива

мастера намного лучше разбираются в удобствах для путешественников. А что до лошадей — они всё равно скучают в моей конюшне. Им будет полезно пробежаться отсюда до столицы и обратно.

Я не без теплоты улыбнулась «доброму соседу» и повернулась было к привратникам, чтобы отдать распоряжение грузить мои вещи (по понятным причинам их было гораздо меньше, чем я везла из столицы в Колдшир), однако этого не понадобилось. Том и Стини и без подсказок споро вынесли из Южной башни, где я сейчас жила, мой сундук и занялись прилаживанием его на багажное место дормеза. Следом за привратниками из башни вышел по обыкновению хмурый Райли, с лёгкостью нёсший мой дорожный саквояж, а следом торопливо семенили Лили (у последней, видимо, саквояж и был отобран) и Рона с большой корзинкой. Я заметила, что у горничной заплаканные глаза и тихонько вздохнула про себя: бедняжка принимала мой отъезд слишком близко к сердцу.

Райли и Эйнсли обменялись сдержанными приветствиями, после чего первый принялся помогать привратникам. Подошедший Барк что-то обсуждал с кучером, доставившим карету из Оакшира, и я вдруг поняла, что во дворе собралось всё невеликое население замка.

Или почти всё — я не знала, стоило ли относить Тимми к обитателям Колдшира. Всё-таки мальчишка до сих пор ночевал неизвестно где, появляясь лишь днём, чтобы поработать в саду. Возможно, он и сейчас там был, не считая мой отъезд чем-то важным для себя.

Глава 2

От мыслей о Тимми меня отвлекла Рона.

— Госпожа, я корзиночку-то в карету поставила. Положила всё как положено: хлебушек, мясо, сыр. Кувшин морса опять же, так что вы уж скажите, пусть Барк осторожнее везёт. И пирожочков напекла, чтоб вам в дорогу ещё горяченькие были.

Тут необъятная кухарка отвернулась и суетливым жестом смахнула слезинку.

— Спасибо, Рона, — мягко поблагодарила я. — Не расстраивайся, пожалуйста, а то я тоже расстроюсь. Всё будет хорошо, мы скоро вернёмся.

Кухарка меленько закивала и поспешила отойти, чтобы не расплакаться у меня на глазах. Однако её место тут же заняла Лили.

— Госпожа. — Горничная умоляюще сложила руки. — Пожалуйста, возьмите меня с собой! Честное слово, я вам ни капельки беспокойства не доставлю! А соберусь буквально за минуточку…

Я качнула головой, и Лили замолчала.

— Спасибо, Лили. — Её желание ради меня покинуть привычный и уютный деревенский мирок было ужасно трогательным. — Но будет лучше, если ты останешься здесь — помогать Роне присматривать за замком.

Горничная шмыгнула носом, пробормотала «Как прикажете, госпожа», — и отошла, глотая слёзы.

— Как они вас любят, — задумчиво произнёс Эйнсли, бывший молчаливым свидетелем сцены. — Мало кто из господ может таким похвастаться.

— Потому что мы уже больше семья, чем госпожа и слуги, — тихо ответила я то ли ему, то ли самой себе. — Беда Колдшира окончательно сплотила нас.

Эйнсли молча склонил голову, а я, встряхнувшись, попыталась шуткой отогнать подступившее уныние.

— Однако нет худа без добра. У вас, лорд, появилась прекрасная возможность побыть в роли хозяина Колдшира.

— Скорее уж его управляющего, — усмехнулся Эйнсли и

невольно бросил косой взгляд в сторону Райли. — Помнится, вы как-то предлагали мне эту должность.

Я вспомнила нашу вторую встречу и приватный разговор на берегу укромной бухточки, где лорд ухитрился подловить меня во время купания. Тоже не сдержала усмешку: из той истории, несмотря на неравные условия, я вышла победительницей. И отбила подачу:

— Вы слишком долго думали над предложением, вот мне и пришлось взять на эту должность другого.

— Если бы вы знали, сколько раз я пожалел об этом, — серьёзно отозвался Эйнсли. Но, к счастью, развивать тему не стал, закруглившись заверением: — Не волнуйтесь за Колдшир, леди Каннингем. Я буду беречь его, словно он и в самом деле принадлежит мне.

— Спасибо, — от души ответила я и повернулась к подошедшему к нам Райли: — Можно ехать?

— Да. Леди Каннингем.

Он до сих пор делал едва заметную паузу перед вежливым обращением, однако я подозревала, что теперь это происходило, чтобы ненароком не назвать меня по имени.

— Значит, будем прощаться? — Я посмотрела на Эйнсли и подала ему руку: — До встречи, лорд.

— До встречи, леди Каннингем. — Эйнсли бережно сжал мои пальцы, к счастью, догадавшись обойтись без галантного поцелуя. — Гладкой дороги.

Того же мне пожелали и оба привратника, и всхлипывающая Лили, и Рона с откровенно влажными глазами. Каждого из них я дружески обняла, чем смутила и растрогала, а затем подошла к дормезу. Райли откинул для меня подножку и помог забраться в экипаж. В последний раз внимательно осмотрел салон: всего ли хватает? — и остановил взгляд на мне. Пауза, вместившая больше иного разговора, быстрое пожатие рук, и Райли захлопнул дверцу экипажа. Я немедленно выглянула в окно и услышала, как он вполголоса осведомился у Эйнсли:

— Дорога до Норталлена будет спокойной?

— Разумеется! — оскорблённо фыркнул лорд-разбойник. — Я ведь неоднократно говорил: обитателям Колдшира нечего опасаться Безликого Родди.

Райли отрывисто кивнул, бросил Стини:

— Поднимай решётку! — и ловко вскочил на козлы рядом с Барком.

Заскрипел заржавленный механизм, решётка ворот поползла вверх, открывая перед нами начало долгой дороги. Под протяжное «Н-но-о!» щёлкнули вожжи, и я невольно вспомнила, как несколько месяцев назад уезжала из столицы в Колдшир. Тогда тоже было пасмурно, но сердце моё пело. Ведь я ехала навстречу независимости от изменщика-мужа, за которого Мэриан Броуди (то есть уже меня) выдали замуж в счёт уплаты карточного долга её отца. А теперь грудь давила тяжесть: мне было почти физически больно расставаться с этим местом и этими людьми. И потому пускай оглядываться считалось плохой приметой, я наполовину высунулась из кареты и отчаянно замахала стоявшим в арке ворот провожающим.

— Я вернусь! Обещаю!

Они тоже махали, даже Эйнсли вскинул руку в прощальном жесте. Лили и Рона откровенно плакали. А над воротами белела голова выглядывавшего из-за зубцов мальчишки. Тимми всё-таки пришёл попрощаться, и я заметила, как он махнул рукой.

С неба сорвались первые капли дождя: природе тоже было жаль, что мы уезжаем. Но я всё равно смотрела на Колдшир, покуда могла его видеть, а в голове молитвой крутилось: «Я вернусь!»

Глава 3

(Три дня назад)

— Леди Каннингем, леди Каннингем, письмо! Вам письмо из столицы!

Ещё одно? Только вчера прибыла целая стопка корреспонденции от заказчиков синих роз, которые, к несчастью для всех, больше не могли получить букеты чудесных цветов.

И неизвестно, когда теперь смогли бы.

— Спасибо, Лили, давай сюда. И принеси мне чаю, пожалуйста.

Подобие кабинета для меня соорудили в бывшей караулке на первом этаже Южной башни. Спала же я в комнатушке под крышей, на уже на месте сколоченной кровати (затащить туда мебель массивнее стула или маленького столика было проблематично). Однако несмотря на почти спартанские условия, спала прекрасно: колдширские стены отгоняли кошмары лучше, чем какое-нибудь ядрёное средство от комаров — кровососущую нечисть.

В спальне же стоял и сейф, героически вытащенный привратниками из опасно накренившегося донжона. А в нём хранилось «сокровище Колдшира» — сотня золотых и около пяти десятков серебра.

Слишком много я потратила на теплицу и злосчастный праздник роз, плюс часть пришлось вернуть заказчикам, сделавшим предоплату за букеты. Правда, почти половина из них отказалась брать деньги, проявив великодушие к несчастной вдове, однако в моей ситуации даже отданная медяшка была ощутимой потерей.

Потому что на Колдшире до сих пор висел долг перед банком «Хорнер, Гилби и Ко» — я рассчитывала полностью выплатить его уже осенью, но… Не сложилось. А ведь ещё нужны были средства на восстановление замка, и средства немаленькие. О такой «мелочи», как деньги на еду, дрова и жалование слугам, вообще упоминать не стоило — это было по умолчанию.

«Допустим, на текущие расходы нам хватит платы от арендаторов, — размышляла я, покусывая кончик вечного пера. — И следующую долговую выплату я тоже осилю из средств, оставшихся от продажи роз. Но остальное… Вся надежда на завещание Каннингема».

Однако ответа на моё письмо поверенному высокородно-

го лорда до сих пор не было, и подвешенное состояние порядком портило нервы.

— Подожди ещё день, — попытался успокоить Райли, которому я вчера пожаловалась на отсутствие в почте заветного ответа. — Срок ещё не прошёл.

И оказался пророчески прав. Потому что сейчас я держала в руках конверт из плотной коричневой бумаги, на котором было написано: «Леди Мэриан Каннингем, Колдшир, Хайланд. От г-на Майлза, поверенного, Кингстон-роуд, Лондониум».

— Ответил.

И я не без замирания сердца вскрыла конверт.

Ждала практически чего угодно: от «вы стали единоличной наследницей каннингемских миллионов» до «извините, но вы унаследовали миллионы каннингемского долга». Однако в письме было написано совсем другое.

«Лондониум, 10 аугустуса 1885 года

Глубокоуважаемая леди Каннингем,

С глубочайшими соболезнованиями пишу Вам в этот печальный и трудный час. Я надеюсь, что Вы находите утешение в памяти о вашем дорогом муже, лорде Каннингеме,

чья жизнь была насыщена великими деяниями и добрыми поступками.

С сожалением информирую Вас о том, что необходимо ваше обязательное присутствие при оглашении завещания лорда Каннингема. Оно состоится 30 аугустуса 1895 года в три часа пополудни. Я буду рад предоставить Вам и прочим наследникам полные сведения о наследии, оставленном Вашим покойным мужем, и помочь в любом вопросе, который может возникнуть в ходе обсуждения.

Понимаю, что данное время является для Вас чрезвычайно трудным, но искренне надеюсь, что вы сможете приехать в столицу.

Ожидаю с нетерпением возможности встретиться с Вами.

С искренним уважением,

Джошуа Майлз, поверенный лорда Каннингема»

— Обязательно прибыть на оглашение завещания? — пробормотала я. — И какие такие «прочие наследники»? Неужели Каннингем что-то завещал Райли?

Машинально взглянула на календарь: сегодня семнадцатое. То есть если я не хочу опоздать, выезжать надо уже на

днях.

— Нужно посоветоваться.

Я сложила письмо, встала из-за стола и отправилась на розыски Райли.

Он нашёлся у конюшни, где что-то обсуждал с Барком. Однако заметив меня, оба замолчали, и Райли подал конюху знак, что тот может быть свободен. Сам же широко зашагал ко мне и, когда мы встретились, вполголоса осведомился:

— Дурные вести?

Я в бессчётный раз мысленно хмыкнула на его способность улавливать мои настроения и ответила:

— Не то чтобы дурные, но… Неожиданные, скажем так. Вот, прочти. — И отдала ему письмо.

Развернув бумагу, Райли быстро пробежал глазами по строчкам и нахмурился.

— Значит, надо ехать в столицу, — констатировал он. — Если не ошибаюсь, дормез Сандро до сих пор стоит в гостинице Норталлена. Сегодня же пошлю за ним, чтобы завтра экипаж был уже здесь.

— Хорошо. — Я понимала, что от поездки в Лондониум мне не отвертеться. — А что за «прочие наследники» ты знаешь?

Райли без проблем разгадал незаданную часть вопроса.

— Вряд ли я в их числе, — кривовато усмехнулся он. — Скорее всего, это кто-то из родни лорда Джеффри. Если мне не изменяет память, у Сандро был кузен по отцовской линии, Фредерик. Однако семьи почти не общались из-за какой-то старой размолвки.

И теперь этот Фредерик может оттяпать у меня часть наследства.

— Понятно, — протянула я. Немного помолчала и продолжила: — Возможно, оно и к лучшему. По большому счёту, нам нужна просто достойная сумма, чтобы заплатить кредиторам и восстановить замок. А уж на жизнь мы себе заработаем.

Райли согласно наклонил голову, и я шестым чувством уловила, насколько ему приятно слышать это «нам» и «мы». Светло улыбнулась, удерживая порыв взять его за руку, и беспечно закончила:

— В Норталлен отправь, пожалуй, Стини и выдай ему необходимую сумму, чтобы расплатиться с хозяином гостиницы. Пусть заодно заберёт и вещи Каннингема — надо было давно собраться привезти их.

Райли немного подумал и отозвался:

— В таком случае я, пожалуй, съезжу сам. Мало ли что.

Я собралась воспротивиться, эгоистично не желая расставаться с ним почти на сутки, но вовремя смирилась. В самом деле, если с дормезом и вещами возникнут какие-то проблемы, кто лучше Райли всё уладит?

— Хорошо, поезжай, — вынужденно согласилась я. И поглупому попросила: — Только будь осторожнее, ладно?

В конце концов путь неблизкий, а он меньше месяца назад заработал пулю в плечо.

Райли ответил светлой улыбкой — нечастой гостьей на его вечно серьёзном лице. И сказал:

— Пойду собираться. Леди Каннингем.

Я кивнула, и он по обыкновению быстрым шагом направился к Восточной башне, где жила прислуга. А я, проводив его взглядом, медленно двинулась к себе — заканчивать с разбором корреспонденции.

Глава 4

Райли уехал после обеда. Я провожала его взглядом с крепостной стены, покуда могла видеть. И только собралась уходить, как заметила в холмах ещё одного всадника, на сей раз приближавшегося к Колдширу.

«Кого там черти несут?» — мелькнула недовольная мысль. В последнее время я крайне настороженно относилась к любым незваным гостям, справедливо не ожидая от них хороших вестей.

«Только бы не инспектор Трейси».

Приложив ладонь козырьком ко лбу, я всмотрелась в конную фигурку. Нет, это не должен быть инспектор: тот всегда ездит в сопровождении полицейских. И потом, после того как с Райли было снято нелепое обвинение в участии в разбойничьем нападении на торговца, инспектору нечего делать в Колдшире.

«Похоже, это Эйнсли», — решила я наконец и немного расслабилась.

Спустилась со стены, велела дежурившему Тому поднять

решётку и стала дожидаться гостя.

— Доброго дня, леди Каннингем, — поздоровался лорд-разбойник, спешившись. Отвесил мне галантный поклон, и я одарила его вежливой улыбкой.

— Доброго, лорд Эйнсли. Надеюсь, вы приехали с дружеским визитом, а не по какому-нибудь делу. — Потому что дел у меня и без того хватало.

— Исключительно с дружеским визитом, — заверил «добрый сосед», и я с куда большей доброжелательностью предложила ему пройтись по саду.

За время, прошедшее от моего возвращения в Колдшир, здесь окончательно убрали следы недавней трагедии. На месте оставшейся от взрыва ямы, прежде небрежно забросанной землёй, я разбила клумбу, засадив её цветами. Груду камней, под которой погиб Каннингем (а могла бы я, не успей он меня оттолкнуть!), Том и Стини под нашим с Райли руководством вывезли прочь. Привратники до сих пор побаивались ходить в сад одни — появившаяся на празднике колдширская жуть произвела на них неизгладимое впечатление, — однако под моей «защитой» поработали без нареканий.

Так что теперь сад выглядел почти как раньше — только

без роскошных кустов чудесных роз, ещё недавно буйствовавших всеми оттенками синего.

И без садовника (как всегда, души коснулось облачко скорби). Оливер не пережил трагических событий злополучного праздника, и слов нет, насколько мне не хватало старика.

— Как будто ничего не было, — в унисон моим мыслям заметил Эйнсли, отвлекая от грустных воспоминаний. — Вы теперь одна ухаживаете за садом?

— Пока да.

О том, что у меня имелся некий помощник, я упоминать не стала. По моему ощущению, Эйнсли до сих пор не простил Тимми кражу динамита из разбойничьего схрона, пускай и помог мальчишке сбежать от Трейси, когда тот попался инспектору.

Лорд немного помолчал и предложил:

— Я мог бы направить к вам моего садовника. Например, три раза в неделю он работал бы у вас, а остальное время — у меня.

— Благодарю вас, лорд, — искренне ответила я, — но от Оакшира до Колдшира порядочное расстояние. Нехорошо гонять человека туда-сюда, даже если он слуга.

И предупреждая возможную обиду — Эйнсли всегда остро реагировал на отказы, — добавила:

— Однако, если мне понадобится помощь в какой-то тяжёлой работе по саду, я непременно обращусь к вам.

— И безоговорочно её получите, — заверил Эйнсли. — В любом деле.

Я светло улыбнулась ему и подвела к клумбе, на краю которой рос маленький зелёный кустик. С того времени, как я увидела его впервые, на нём прибавилось веточек и листьев, и он уверенно тянул их к мягкому солнцу последних дней лета.

— Похоже, розы хорошо себя чувствуют. — Эйнсли не погнушался поддёрнуть брюки и присесть перед кустиком. Аккуратно коснулся листьев и тут же отдёрнул руку, ухитрившись уколоться.

— Осторожнее, лорд! — запоздало предупредила я. — У роз Колдшира острые шипы.

— Полностью согласен, — серьёзно отозвался Эйнсли и бросил на меня такой взгляд, что сразу припомнился цветистый комплимент, называвший и меня «розой Колдшира».

Однако развивать тему лорд не стал. Вместо этого молча поднялся, и мы двинулись дальше по вымощенным диким камнем садовым дорожкам.

— Кстати, где ваш управляющий?

Вопрос заставил меня насторожиться. Отношения между Эйнсли и Райли можно было назвать холодным нейтралитетом, так к чему этот интерес?

Тем не менее лукавить я не стала.

— Уехал в Норталлен. А у вас к нему какое-то дело?

Эйнсли неопределённо повёл рукой.

— Ничего особенного, просто хотел, м-м, проконсультироваться по одному незначительному вопросу.

Тут я напряглась всерьёз. Когда лорд «консультировался» с Райли в последний раз, это было по поводу кражи динами-

та.

— Лорд Эйнсли, — я добавила в голос напористости, — у вас точно всё в порядке?

— В полном, — уверил тот и постарался увести разговор в сторону: — А что, если не секрет, понадобилось в Норталлене вашему управляющему?

Немного поразмыслив, я сжато пересказала Эйнсли события сегодняшнего утра, и тот вдруг посмурнел.

— Значит, уезжаете в столицу? Надеюсь, вы возьмёте с собой побольше слуг? Или, может, обратитесь к этому армейскому полковнику, чтобы он дал солдат для сопровождения?

Лорд делал вид, будто не помнит имени полковника Ханта, хотя я была уверена, что это не так. Сложно забыть, как зовут того, кто тебя (точнее, Безликого Родди) ловил и чьи люди даже прострелили тебе бок.

— Я поеду так же, как приехала сюда, — беспечно ответила я, и Эйнсли сурово свёл брови.

— В сопровождении кучера и управляющего? Леди Каннингем, это опасно!

Я наклонила голову к плечу, задумчиво его рассматривая.

— Почему? Дороги от столицы до Хайланда свободны от разбойников, а Безликого я могу не бояться. Разве нет?

Эйнсли отвернулся, демонстрируя породистый профиль. Губы его были крепко сжаты, словно он боялся, что с них сорвётся лишнее.

— Да, всё верно, — проронил он наконец. И будто бы невпопад спросил: — Когда ваш управляющий вернётся?

— Завтра, — ответила я. — Вас снова ждать в гости?

— Пока не знаю, — уклонился от прямого ответа Эйнсли и окончательно увёл беседу в сторону общих и безопасных тем.

Глава 5

Когда лорд-разбойник уехал восвояси, я вернулась в сад.

«Темнит Эйнсли, ох, темнит! — Я машинально поправила камень на рокарии. — Во что ему опять вздумалось нас втянуть?»

Осуждающе покачала головой и, остановившись, громко позвала:

— Тимми! Тимми, он уехал!

Вспорхнула с ветвей испуганная моим голосом пташка — вот и вся реакция на зов. Однако я знала, что это ещё ничего не означает, и уверенно направилась в дальний конец сада, где стоял сарайчик с инструментами и садовыми принадлежностями.

— Здрасьте, госпожа.

Тимми уже был там: смотрел исподлобья, напряжённый, словно готовился вот-вот дать дёру.

— Здравствуй, — доброжелательно улыбнулась я. — Сегодня будем подкармливать деревья перегноем, как и соби-

рались. Готов?

Тимми кивнул и поправил рабочий фартук, который я специально подшила, чтобы подходил для мальчишки-подростка.

— Тогда я тоже одеваюсь, и идём.

Я надела свой фартук, повязала голову косынкой, натянула перчатки. За это время Тимми без лишних указаний сложил в садовую тачку лопаты и грабли, и мы отправились к куче перегноя, привезённой вчера привратниками от реки.

***

Райли как-то заметил, что я приручила Тимми, и слово это было как нельзя более подходящим. Ведь всё началось с регулярно оставляемого в саду узелка с хлебом, мясом, сыром и овощами. Я приносила еду, клала её на мраморную скамейку в подобии беседки в глубине сада и уходила не оглядываясь. Проверяла «приманку» только вечером и всегда находила одну лишь пустую тряпицу, аккуратно сложенную в прямоугольник.

— Паренька можно подловить, — однажды заметил Райли, но я покачала головой.

— Не стоит. Он сам выйдет, когда поверит, что ему ничего

не угрожает.

Райли хмыкнул и именно тогда и произнёс фразу о приручении. И я согласилась: по факту так оно и было.

Я пыталась заручиться доверием опасливого зверька: независимого, не единожды битого, но очень одинокого.

А ещё — с тяжёлым грузом на совести.

— Я не верю, что участие в поджоге и разрушении Колдшира прошли для него даром, — объясняла я Райли. — Иначе он не стал бы заботиться о последнем кустике роз. Он раскаивается, наверняка, и ему просто надо дать возможность это раскаяние выразить.

— Ты добра, Мэри, — вздыхал в ответ Райли. — Даже слишком добра. Хотя мне ли упрекать тебя в этом…

И приручение продолжалось.

Я работала в саду ежедневно, обычно после обеда. И каждый раз находила там следы чужой помощи. То кто-то закончил вскапывать клумбу, которую я оставила на следующий раз. То подвязал за меня виноград. То полил фиалки — аккуратно под корень, как делала это я сама. И нередко возникало чувство, будто кто-то наблюдает за тем, как я работаю. Потому однажды, уходя из сада, я внятно произнесла в пу-

стоту:

— Тимми, будь добр, полей завтра утром эту клумбу до того, как солнце поднимется высоко. Воду бери из бочки, а не из колодца — цветы лучше поливать отстоявшейся водой.

Естественно, мне никто не ответил, только ответа я и не ждала. Зато на следующий день обнаружила добросовестно политую клумбу и понизившийся в бочке уровень воды.

— Получается! — похвасталась я перед Райли, и он тепло улыбнулся мне.

— Не сомневался в вашем успехе, моя леди. Вы смогли бы приручить и тигра-людоеда, куда там какому-то мальчишке.

— Не преувеличивай, — зарумянилась я и вечером дала невидимому помощнику новое распоряжение.

А спустя ещё день, собираясь покинуть сад, сказала самым естественным своим тоном:

— Тимми, подойди сюда, пожалуйста. Я покажу, как надо будет подрезать тисы.

Секунд пять ничего не происходило, только какая-то пичуга щебетала в ветвях, делясь событиями сегодняшнего

дня. А затем между деревьями мелькнула светловолосая тень, и на дорожку вышел Тимми. Замер метрах в пяти от меня: набыченный, готовый в любую секунду сбежать.

— Идём, — спокойно кивнула я ему и, не оглядываясь, зашагала к тисам.

И мальчишка пошёл следом.

Так мы стали работать вместе. Если в саду появлялся кто-то посторонний, Тимми мгновенно всё бросал и прятался. Однако потом, когда я оставалась одна, снова выходил и продолжал начатое. Я никак не комментировала его поведение; мы вообще разговаривали исключительно на садовые темы. Причём мальчишка чаще ограничивался односложными фразами: вся его бойкость, запомнившаяся мне по нашим прошлым встречам, куда-то растерялась.

Но однажды, когда мы подкармливали удобрением кустик чудесных роз, я решила: пора. И наконец-то спросила о том, о чём давно собиралась.

— Тимми… Если не хочешь, не отвечай, но мне бы очень хотелось узнать: почему ты спас розы?

Глава 6

Мальчишка втянул голову в плечи, отвернулся — словом, всеми силами постарался отгородиться от меня. Он молчал так долго, что я перестала надеяться на ответ и оттого не без удивления услышала тихое:

— Потому что он меня спас.

— Он?

Я терялась в догадках: неужели это об Эйнсли или Райли? А Тимми низко опустил голову и почти шёпотом пояснил:

— Колдшир.

Я изобразила губами беззвучное «о». Так значит, душа замка показалась одному из его разрушителей? Более того, спасла?

— И как это случилось, если не секрет?

Тимми стрельнул в мою сторону глазами.

— Вы знаете, о чём я? Верите?

— Я хозяйка этого места, — мягко напомнила я. — Конечно, мне приходилось встречать синий огонёк.

Не говоря уже о том, что на празднике с колдширской жутью познакомились многие из приглашённых.

Тимми машинально потыкал лопатой в землю и через силу заговорил.

— Меня заловили бобби, ну, у сарая. Отвели к ихнему главному, Трейси. Тот начал пугать, вытряс из меня про тётку Бренду, про динамит… А потом его позвали, и я остался под присмотром бобби. Ну и повезло мне. За дверью какой-то шум поднялся, бобби выглянул узнать, что там, а я, не будь дурак, в окно выскочил. Улепетнул к дальней башне, ну, которая в саду…

«Северная», — поняла я.

—...Ток мне не повезло, — продолжал Тимми. — Дверь была заперта, а отмычку я того, оборонил где-то.

«Юный уголовник», — хмыкнула я про себя и невольно вспомнила талант Райли с возмутительной лёгкостью открывать любые двери.

— Я стал соображать, куда бечь. — Тимми поёжился. — Уже бобби в толпе увидал, как тут огонёк появился. Бледный такой. И всё перед замочной скважиной мерцал. Ну я ещё раз дверь и дёрнул. Она открылась — я внутрь. Ток успел закрыть да осмотреться маленько, как с той стороны за ручку задёргали. Но дверь больше не отворилась. Я перепугался, конечно: вдруг, думаю, не выйду отсюда? Ток всё равно досидел до поздней ночи.

Он немного помолчал и продолжил:

— Потом выбрался — вокруг уже тихо было. И как потянуло меня что-то в сад. Сунулся я туда, а там… Шатры повалены, столы перевёрнуты. В башне дыра, в земле ямища. А на краю ямищи — огонёк.

Мальчишка снова выдержал паузу, ища в себе силы, чтобы продолжить. И когда заговорил, голос его звучал глухо.

— Он, понимаете, как просил: помоги. Мне страшно было, ток я всё равно подошёл. Смотрю: кустик махонький на самом краю ямы. Корешками зацепился, вот-вот сорвётся. Ну я и помог. — Тимми непроизвольно вытер нос рукавом рубашки. — Я ж знал, где лопаты, где что. Сбегал быстренько, кустик осторожно выкопал и пересадил. Старик давно го-

ворил, что надо бы на эту клумбу розы посадить, а я вспомнил удачно. Пересадил, полил да и смылся по-тихому. Думал в Норталлен отправиться, да не смог. Как представил, что огонёк здесь помрёт, когда кустик засохнет… Тошно мне стало. — Мальчишка покусал губу и закончил: — Так что остался я. Он ведь меня выручил, хотя я замок жёг. Нельзя на такое неблагодарностью отвечать.

— Ты правильно поступил, — сказала я, поняв, что продолжения не последует. И не удержала укор: — Хотя бы в этом.

Тимми ссутулился и, оправдываясь, пробормотал:

— Я ж думал, он плохой, ну, замок. Тётка Бренда его ненавидела. Да и вас тоже… — Тут он понял, что говорит не то, и быстро добавил: — Я думал, буду как господин Родрик.

— За всё хорошее против всего плохого, — с усмешкой подхватила я, и мальчишка окончательно сник.

Эх, Безликого бы сюда, подумала я с тоскливой злостью. Пусть бы послушал, Робин Гуд хренов, как с него берут пример и что из этого получается. Правда, он сейчас вроде как взял паузу в своей бурной деятельности, и очень хочется верить, что она постепенно перерастёт в «уход на покой».

Я невесело вздохнула и сказала:

— Ладно, Тимми, что сделано, то сделано. Давай работать.

Однако мальчишка не шелохнулся, лишь крепче сжал черенок лопаты.

— Госпожа… Вы на меня до сих пор злитесь?

Я хмыкнула.

— Если бы злилась, ты бы разговаривал не со мной, а с инспектором Трейси. Знаешь, кстати, что обвиняешься в убийстве лорда Каннингема наравне с Брендой? Только она, в отличие от тебя, мертва.

Мальчишка посерел.

— Так я ж не убивал!

Я пожала плечами, проглотив «В суде расскажешь». И повторила уже с нажимом:

— Давай работать.

Потому как что ещё мы могли?

Глава 7

(Настоящее время)

Переваливавшийся по лесной дороге дормез тряхнуло, и он остановился.

— Что там? — без промедления выглянула я в окошко, машинально сунув руку под плед, где был спрятан дуэльный пистолет.

Слишком уж похожа была эта остановка на ту, что случилась во время моего путешествия в Колдшир. Тогда на нас напала банда Безликого Родди, и несмотря на то, что всё обошлось более или менее благополучно, кошмары меня мучили ещё долго.

— Ничего особенного, госпожа! — отозвался с козел Барк, а заглянувший в экипаж Райли пояснил:

— Колесо в яму попало. Сейчас подтолкну, и поедем дальше.

— Мне сойти? — не подумав предложила я и заработала лёгкую усмешку.

— Нет нужды, моя леди.

В самом деле, сколько моего веса в общей массе дормеза?

Я со вздохом откинулась на спинку сиденья, не спеша, впрочем, отпускать пистолет. Экипаж вновь качнулся, за окном мелькнула фигура Райли, и мы тронулись дальше всё тем же небыстрым ходом. Только тогда я наконец выпустила резную рукоять оружия и уже спокойнее продолжила следить за проплывавшими мимо стволами раскидистых дубов, чьи подножия утопали в яркой зелени папоротников.

«Нечего опасаться, — снова и снова внушала я себе. — Эйнсли столько раз уверил, что нам ничего не грозит, — мозоль на языке набить можно».

И тем не менее он так и не признался, о чём хотел поговорить с Райли. Более того, так и не поговорил — когда я задала Райли прямой вопрос, тот удивился, впервые слыша о намерении лорда-разбойника. Нет, Эйнсли ограничился лишь тем, что уговорил нас взять его дормез и лошадей, апеллируя к большему удобству сделанного на континенте экипажа. Я, признаться, особенной разницы не заметила, однако отказывать не стала: мне несложно, а лорду-разбойнику приятно почувствовать себя полезным.

Мысли снова соскочили в тревожную колею «скорей-бы-

мы-проехали-лес-а-а-что-там-за-шум?», и я в бессчётный раз напомнила себе об обещании Эйнсли и своей небеззащитности (неважно, что Райли взял с меня слово пользоваться пистолетом только в самом крайнем случае, а после Норталлена вообще собирался забрать оружие).

***

С пистолетом и моим обучением стрельбе получилось неожиданно. Как и обещал, Райли вернулся из Норталлена на следующий день (правда, не после обеда, а утром: «Я решил не задерживаться понапрасну, моя леди»). По результатам его поездки имущество Колдшира пополнилось экипажем, лошадьми и каннингемскими вещами. Одежду лорда я даже не доставала из сундука: носить её вряд ли кто-либо стал бы, и дорога ей была исключительно на один из благотворительных столичных базаров. Пять десятков золотом и три серебром отправились в колдширский сейф, окончательно успокоив моего внутреннего паникёра: теперь нам точно будет чем расплатиться с кредиторами, да ещё и на жизнь неплохо останется. А ящичек с памятными дуэльными пистолетами (а также пули и порох) я отдала Райли, как единственному человеку в замке, смыслившему в оружии.

И заодно поделилась своей идеей самим отвезти в столицу колдширский долг и до весны забыть хотя бы об этой проблеме.

Однако Райли воспринял моё предложение без энтузиазма.

— Слишком опасно, моя леди. Если вы повезёте золото, лучше попросить полковника Ханта выделить вам сопровождающих. А ещё лучше — дать этому клерку, Гилби, самому приехать за деньгами. Как прошлые разы.

— Никто ведь не будет знать, что мы везём деньги. — Я попыталась переубедить его. — Дороги безопасны, Безликий нас пропустит…

— И всё равно, это неблагоразумно, — непробиваемо ответил Райли своей любимой фразой.

— Но ведь ты благополучно довёз похожую сумму от продажи моих драгоценностей в Сандерленде, — привела я ещё один аргумент.

Райли посмурнел.

— Повезло. И потом: то я, а то вы.

И он бросил короткий взгляд на ящичек с пистолетами.

Я раздражённо засопела и не без недовольства ляпнула:

— Если это к тому, что в критической ситуации от меня мало толка, мог бы просто научить меня стрелять, например.

— Не к тому, — возразил Райли, однако тут же всё испортил. — И потом, благородным леди такое не положено.

Я закусила удила: ладно кто-то другой, но от него слышать, будто мне что-то там не положено?

— Благородным леди и замки восстанавливать не положено. И что теперь, пусть Колдшир погибает?

Наши взгляды столкнулись, одинаково упрямые и полные уверенности в своей правоте. Тем не менее Райли не был бы Райли, если бы вскоре, пусть с неохотой, но не предложил компромисс.

— Хорошо, моя леди. Я… покажу вам, как стрелять. Однако настаиваю: золото лучше оставить в Колдшире. Если оглашение завещания не преподнесёт сюрпризов, деньги можно будет взять из вашей доли. А если преподнесёт… — Он запнулся: такой вариант никому не нравился. — То пусть клерк приедет сам. Ему полезно развеяться.

И поскольку включать «самодуру» (особенно с Райли) мне

не хотелось, я без желания приняла его предложение.

Глава 8

Тем же вечером он пришёл ко мне в кабинет, зажав подмышкой «ящичек раздора». Сурово заявил:

— Прежде чем учиться стрелять, вы должны знать, как пистолет устроен, и уметь заряжать оружие, — и аккуратно поставил ношу передо мной на стол.

Я послушно сдвинула бумаги в сторону и приняла вид прилежной ученицы. До этого дня мои «отношения» с огнестрелом ограничивались лечением ран от него да уроками ОБЖ, где мы на время собирали и разбирали автомат Калашникова.

И после того как я внимательнейшим образом выслушала от Райли короткую лекцию об устройстве и принципе действия пистолетов, вновь ощутила, насколько же шагнул прогресс за каких-то сто лет.

Пусть даже в столь неблагородном деле, как убийство себе подобных.

Потому что зарядить дуэльный пистолет было без преувеличения искусством. Вставить кремень, аккуратно насыпать на полочку порох (не сколько боженька на душу положит,

а точное количество!), обернуть пулю промасленной бумагой, с помощью шомпола и деревянного молоточка осторожно забить её в ствол…

— Здесь стволы нарезные, — объяснял Райли, буквально двумя ударами загоняя пулю на место, — потому нужно больше усилия, чем для гладкоствольного оружия. При этом нельзя переусердствовать, иначе раздробите пороховые зёрна, и может случиться осечка.

Я кивала, зачарованно наблюдая за его чёткими, экономными движениями. Было видно: за то время, которое он потратил, чтобы показывать и рассказывать, в реальном бою успел бы уже три раза выстрелить.

— А теперь ваша очередь. — Райли подал мне второй пистолет. — И прежде чем приступать, расскажите мне, что собираетесь делать.

Я напрягла память и вполне последовательно пересказала всю процедуру.

— Отлично, — похвалил «учитель». — А теперь приступим.

И я, сосредоточенная, как хирург на операции, начала за-

ряжать пистолет.

Конечно, с первого раза получилось неидеально. Пускай порох я не просыпала, зато положила меньше, и Райли уже сам добавил его до нужного веса. Пулю, наслушавшись предупреждений, тоже вбивала с опаской, отчего «учителю» пришлось встать позади и, накрыв мою руку своей, наглядно показать, с каким усилием это делается.

И всё же в итоге он резюмировал:

— Хорошо. У вас твёрдая рука, моя леди, и неплохой глазомер. Надо лишь немного уверенности.

Затем едва слышно вздохнул и добавил:

— И всё же я бы предпочёл, чтобы вы обошлись без этого умения.

Я светло улыбнулась ему и, пользуясь тем, что мы одни, быстро прижалась щекой к его предплечью.

— Будем надеяться, оно никогда не понадобится мне всерьёз. — А затем бодро добавила: — Пойдём за крепостные стены и постреляем?

— Нет, — немедленно воспротивился Райли. — Не стоит

пугать слуг, да и показывать другим, чему я вас учу, тоже не стоит.

— Тогда как поступим? — признавая его правоту, я не собиралась отказываться от своего желания. — До отъезда мне хотелось хотя бы раз потренироваться.

Ответ у Райли, конечно же, был, пускай и не особенно ему нравился.

— Если завтра у вас найдётся свободное время, можно съездить в дюны. Я сяду на козлы вместо Барка…

— Сходим пешком, — уверенно перебила я. — Здесь недалеко, а ходьба полезна для здоровья. И возьмём корзинку с ланчем — устроим маленький пикник.

Райли хотел возразить: неблагоразумно, мало ли кто и что может подумать. Однако заглянул в моё сияющее энтузиазмом лицо и передумал.

— Как вам будет угодно, моя леди.

***

Я предупредила Тимми, что появлюсь в саду только вечером, и сразу после завтрака мы с Райли двинулись в путь. Я шагала налегке, довольно улыбаясь ясному небу и умытым

ночным дождиком пустошам; Райли со свойственной ему серьёзной миной нёс корзинку для пикника, на дне которой лежал ящичек с пистолетами, порох и пули.

«Неправильно это всё-таки, — думала я, подставляя лицо пахнувшему солью и свежестью ветерку. — Жить на побережье и бывать на море раз в год по обещанию — ну куда годится? Да, дела, да, мой прошлый одинокий поход получился, кхм, запоминающимся. Но дела почти всегда можно отложить, а в компанию брать Райли».

И всё же, несмотря на подобные рассуждения, оказавшись в дюнах, я свернула в сторону, противоположную той, куда ходила в прошлый раз. Конечно, бухточка, где я купалась, была милой и неприметной, однако о ней как минимум знал Эйнсли. А столкнуться, даже случайно, с лордом-разбойником (или ещё кем-либо) у меня не было ни капли желания.

Потому мы пошли не на север, а на юг, и вскоре были вознаграждены за выбор направления симпатичной бухтой, скрытой от посторонних глаз холмами и невысоким мысом. Здесь даже росли морские сосны с искорёженными стволами и плоскими кронами. Однако вопреки непрезентабельному виду чувствовали они себя очевидно неплохо, а вдобавок давали какую-никакую, но тень. Потому мы выбрали самую раскидистую из них и расстелили под ней широкое покрывало.

— Перекусишь? — предложил Райли, собираясь выгрузить из корзинки разносолы, которыми наделила нас Рона. Причём положила она их по здешней традиции: идёшь на день, еды бери на неделю.

— Я ещё не проголодалась, — отмахнулась я. — Завтракали ведь недавно. — И напористо подала встречное предложение: — Давай лучше стрелять.

Райли окинул меня взглядом, негромко вздохнул и послушно достал пистолеты.

— Давай, раз уж тебе так хочется.

Глава 9

Джеймс Райли не до конца понимал вдруг сошедшую на Мэриан блажь научиться стрельбе. Скорее всего, ей не хотелось вновь чувствовать себя беззащитной в случае непредвиденных обстоятельств, но разве он не был бы рядом с ней?

«Ага, вспомни, как тебе проломили башку люди Безликого по дороге сюда», — насмешливо напомнил внутренний голос, и Райли невольно сжал зубы — этого он себе простить не мог до сих пор.

Да, стрельба из пистолета — неженское занятие. Только что поделать, если Мэриан в принципе приходится заниматься неженскими делами?

«Впрочем, её это не тяготит».

Усмешка получилась добродушной, однако Райли всё равно её спрятал, по привычке стараясь не выпускать эмоции наружу. Положил последний камушек на вершину пирамидки из гальки и отмерил от неё десять шагов так, чтобы при стрельбе солнце светило в спину. Отчертил линию, ещё раз с прищуром оценил будущую мишень и обернулся к сидевшей на покрывале Мэриан.

— Всё готово.

— Замечательно. — Она незамедлительно поднялась на ноги. — Я тоже готова.

Райли достал из ящичка один из пистолетов и, когда Мэриан подошла, начал объяснять и показывать.

— Встань у черты, вот так. Ноги шире, правая впереди. Ты должна стоять устойчиво. Небольшой разворот корпуса — это не дуэль, тебе не надо становиться совсем уж боком. Возьми пистолет… — Мэриан подняла оружие, и, оценив, насколько подрагивает ствол, Райли прибавил: — Возьми обеими руками. Вот так, левая только придерживает рукоять. Ты помнишь: выстрел не происходит сразу. Надо дождаться, пока загорится основной заряд пороха, и постараться не дёрнуть пистолетом.

Мэриан серьёзно кивнула, и Райли не мог не оценить её полную сосредоточенность на происходящем.

«Идеальная ученица».

— Если тебе вдруг доведётся стрелять… — Высшие силы свидетели, он собирался приложить все усилия, чтобы это-

го никогда не случилось, однако обозначить такую возможность был обязан. — …то старайся стрелять в упор.

— Поняла. — Мэриан слегка усмехнулась. — Не стоит пытаться демонстрировать чудеса меткости.

— Именно, — хладнокровно подтвердил Райли. — Результат важнее позы. А теперь опусти пистолет… — Мэриан была удивлена, однако послушалась. — …дай рукам немного отдохнуть, и стреляем.

— Мы? — Мэриан бросила на него вопросительный взгляд, и Райли молча кивнул.

Встал у неё за спиной и положил руки поверх её рук.

— В первый раз я немного помогу.

На несколько секунд Мэриан благодарно подалась назад, прижимаясь к нему, но почти сразу спина её вновь стала прямой и твёрдой.

«И в этом она вся, — мысленно усмехнулся Райли. — Мгновения слабости, и вот уже снова готова к бою».

Он с удовольствием вдохнул нежный цветочный аромат,

исходивший от волос любимой, и сказал:

— Если готова, поднимай оружие и целься.

Мэриан послушно подняла пистолет.

— Не задерживай дыхание, — напомнил Райли, почувствовав, как она перестала дышать. — Просто жми на курок на выдохе.

Мэриан послушалась. Несколько раз вдохнула, выдохнула и…

Бах!

Дуло пистолета окутало облачко дыма, а каменная пирамидка разлетелась на части.

— Я всё-таки дёрнулась. — Мэриан повернула к нему голову. — А попала потому, что ты удержал.

Райли слегка пожал плечами.

— Зато теперь ты знаешь и усилие, с каким нажимать на курок, и что такое отдача, и насколько громко стреляет оружие. Поэтому из второго стреляешь сама.

Он не без сожаления выпустил Мэриан из объятий, забрал у неё разряженный пистолет и отправился складывать новую мишень.

Мэриан стреляла ещё раз пять, заодно потренировавшись заряжать оружие. Попасть в пирамидку у неё получилось только на последнем выстреле, после чего она всё же решила остановиться. Пистолеты были убраны в ящичек (Райли пообещал, что вечером покажет, как их надо чистить), и Мэриан, стараясь мимоходом разминать запястья, накрыла ланч.

Они пообедали, а затем Райли пошёл у себя на поводу и растянулся на покрывале, положив голову Мэриан на колени. Та влюблённо улыбнулась ему, нежно коснулась рукой щеки (с недавних пор Райли ежедневно брился до синевы, будто опять служил в армии), взъерошила жёсткие волосы. И вдруг предложила:

— Искупаемся? Вода должна быть тёплой.

Искушение было огромным, и неважно, что Райли никогда не был любителем купаний, пускай и умел плавать. И он бы согласился, если бы не въевшаяся под кожу привычка трезво (Мэриан называла это «пессимистично») оценивать любую ситуацию.

— Неблагоразумно, — скрепя сердце произнёс он нако-

нец. — Мало ли кто и с какими намерениями может нас обнаружить. Но если хочешь, родная, искупайся. Я посторожу.

«И пристрелю любого кому вздумается не внять предупреждению и спуститься к бухте».

Неизвестно, прочитала Мэриан его кровожадные намерения или нет, однако, подумав, ответила:

— Тогда и я не стану купаться. К тому же мы не взяли полотенце.

«А вот отсутствие купального костюма ей не помешало», — хмыкнул про себя Райли. Кто-то другой осудил бы это и заклеймил распущенностью, а его зачаровывала подобная свобода Мэриан. Не наигранная, не эпатажная — полностью естественная, словно ей и в голову не приходило, будто здесь есть нечто предосудительное.

— О чём задумался? — проницательно спросила Мэриан и легонько провела пальчиком по спинке его носа.

— О тебе, — честно признался Райли и выдал не особенно ловкий комплимент: — Ты удивительная.

Мэриан загадочно улыбнулась. Ласково погладила его по

волосам и устремила взгляд в морскую даль.

— Я запомню этот день.

Райли взял её за руку и поднёс к губам тонкие пальцы.

— Я тоже, родная.

И ни один из них не сказал, что таких дней будет ещё много.

Не захотел лгать.

Глава 10

Как ни удивительно, но дорога в столицу прошла без приключений и даже без особенных происшествий. Сначала мы благополучно добрались до Норталлена, где переночевали в «Лазурной розе». Причём её хозяин даже отказался взять с нас деньги за стол и кров: «Дурная примета, госпожа! Мне ещё дед наказывал: нельзя с хозяев Колдшира ни монетки брать, иначе удачи в делах не будет. А уж после того, что люди рассказывали… Гм. Словом, отдыхайте, леди Каннингем, всегда рады вашей светлости!»

О чём конкретно «люди рассказывали», я уточнять не стала, догадываясь: о явлении жути на праздник роз. И напоминать о том, что когда я ехала в Колдшир из столицы, плату с меня взяли до медяшки, тоже не стала. В конце концов, тогда замок ещё не признал меня хозяйкой.

В свою очередь, дорога из Норталлена дальше на юг была людной и наезженной. Пару раз мы попадали в дождь, но удачно — перед самой остановкой в очередной гостинице. А на следующее утро, даже если было пасмурно, с неба всё равно не капало.

Дни текли за днями, полоса тракта разматывалась перед нами серой лентой. Холмы по её сторонам становились всё

более пологими, и вот уже лошади везли дормез по плоской равнине, среди полей, лугов и редких рощиц.

И в один из вечеров, желая мне спокойной ночи, Райли хмуро сказал:

— Завтра приедем.

Я лишь молча кивнула в ответ, чувствуя, как подбирается живот.

Передышка неизбежно заканчивалась, а что ждало впереди, знали один лишь здешние высшие силы.

Но в том, что легко не будет, я даже не сомневалась.

***

— С возвращением, леди Каннингем! Счастлив вновь видеть вас в Каннингем-холле.

Дворецкий Бэрридон не изменился ни на йоту, всё так же походя на сильно похудевшего Дэвида Суше и всё так же храня невозмутимость английского батлера. Впрочем, сейчас за ней угадывалась искренняя радость: до моего отъезда Бэрридон был единственным моим другом в особняке Каннингема.

Я с любопытством ждала, как он поздоровается с Райли: хотя последний в своё время был представлен мне как слуга, Бэрридон не мог не знать, кем он являлся Каннингему на самом деле. Однако дворецкий ограничился молчаливым кивком, продолжая соблюдать конспирацию.

«Надо рассказать ему, что я в курсе прошлого Райли», — подумалось мне.

И тут же пришлось отвлечься, потому что Бэрридон, понизив голос, произнёс:

— Да будет мне позволено предупредить вас, леди Каннингем: сегодня утром в особняк прибыл господин Фредерик из Саут-лоджа.

Господин Фредерик? Тот самый каннингемский кузен и один из «прочих наследников»?

— Спасибо, Бэрридон. — Я с благодарностью наклонила голову. — Есть что-то, что я должна заранее узнать о нём?

Дворецкий быстро переглянулся с Райли и сказал:

— К сожалению, не могу ответить, леди Каннингем. В Каннингем-холле в принципе мало что известно об этой вет-

ви рода.

Значит, тёмная лошадка. Хорошо, на всякий случай буду настороже.

Я кивнула Бэрридону и в сопровождении Райли вошла в просторный холл особняка. Не успела отдать лакею перчатки и шляпку, как со стороны послышалось восклицание:

— Леди Каннингем! Добрый вечер, дорогая кузина!

Обернувшись, я увидела мужчину — очевидно, пресловутого кузена Фредерика. Рыжеватый, светлоглазый, возрастом не старше тридцати, он немного напоминал Каннингема, при этом заметно уступая погибшему лорду и в твёрдости черт, и в стати. Одет кузен был с претензией на элегантность и стиль, но опять же не дотягивал до «лондонского денди», каким в своё время являлся Каннингем.

«Китайская подделка под благородного лорда», — мысленно выдала я нелестное резюме и спрятала его за вежливой улыбкой.

— Добрый вечер. Господин Каннингем, полагаю?

— Совершенно верно. — Кузен отвесил мне глубокий и оттого показавшийся нелепым поклон. — Буду счастлив, ес-

ли вы станете называть меня «кузеном Фредериком», очаровательная кузина. Всё-таки мы в каком-то смысле родственники.

— Да, разумеется, кузен. — Я очень постаралась, чтобы голос не звучал кисло. — Приятно познакомиться с вами.

— Взаимно, кузина, взаимно! — с показавшимся мне наигранным энтузиазмом ответил Фредерик. И наконец-то вспомнил, по какому поводу наше знакомство состоялось. — Однако позвольте мне принести вам глубочайшие соболезнования. — Он состроил скорбную мину. — Это величайшая утрата не только для нашей семьи, но и для всего королевства.

— Увы, — вздохнула я, боясь отвечать более развёрнуто, чтобы не сфальшивить. И перевела тему: — Кстати, кузен, позвольте вам представить моего спутника. Джеймс Райли, управляющий Колдшира.

До этого момента Фредерик удостоил Райли лишь мимолётным взглядом: очевидно, видя впервые в жизни и потому приняв за слугу. Однако стоило прозвучать имени, как блёклый взгляд кузена вдруг сделался острым.

— Джеймс Райли? — Он не сказал «Тот самый?», но это

подразумевалось по его интонации. — Кхм. Рад познакомиться.

Он сухо поклонился, и Райли ответил тем же.

«Как интересно, — мысленно протянула я, наблюдая за сценой. — Уж не почувствовал ли он соперника за наследство? А меня, выходит, в расчёт не берёт? Так-так».

Между тем Фредерик вновь обратился ко мне:

— Дорогая кузина, вы, должно быть, устали с дороги. Не буду отвлекать вас больше, лишь выскажу робкую надежду увидеться с вами сегодня за ужином.

Стоит ли говорить, что у меня подобного желания не было от слова «совсем»? Будь моя воля, я приняла бы ванну, поужинала в своей комнате и легла спать, но…

— Конечно, кузен. — Я изобразила улыбку. — Только приведу себя в порядок с дороги.

И, добавив обязательное «Прошу извинить, господа», направилась к уводившей на второй этаж лестнице.

Глава 11

Умыться и сменить дорожное платье на более подходящий для ужина наряд мне помогла пухленькая Джейн, которая во время оно так переживала из-за того, что меня отправляют в Колдшир. Зато сейчас она с воодушевлением заявила:

— Ох, госпожа, я так рада-то, что вы опять здесь! В столице всяко лучше, хоть и повод грустный.

И Джейн для порядка шмыгнула носом.

— Повод нерадостный, — спокойно подтвердила я. — Скажи, со времени моего отъезда что-нибудь изменилось?

— Не, госпожа! — без раздумий ответила служанка. — По-старому всё. Только… — Она вдруг понизила голос и опасливо оглянулась по сторонам. — …Грейс в последние дни, как с цепи сорвалась. За любую мелочь ругается.

Грейс была экономкой в особняке, и, судя по тому, что её моментально сдали с потрохами, антипатии вызывала не только у меня.

Я приподняла брови.

— Да? А почему?

Джейн посопела и выдала:

— Боится, что вы её уволите, госпожа. И потому жаловаться вам на всех будет, лишь бы себя прикрыть. Ток вы, госпожа, уж пожалуйста, не слушайте её. Проверьте сначала — хоть у господина Бэрридона спросите. Очень мы вас просим.

— Мы — это остальные слуги? — уточнила я, и Джейн торопливо закивала.

— Ага, госпожа. — От волнения она всё больше сбивалась на грубоватый говор бедноты. — Вы добрая и справедливая: Олли рассказывал.

Так-так.

— И это он надоумил вас отправить ко мне парламентёра сразу же, как приеду?

Служанка потупилась.

— Ага. Олли, он разбирается, ну, в таких вещах.

Я мысленно хмыкнула: ещё бы ему не разбираться. Пускай сейчас он служил у Каннингема кучером, прошлое у него было, как и у Райли, армейское. Собственно, с той поры эти двое и приятельствовали, не афишируя свою дружбу, но искренне ею дорожа.

— Я тебя поняла, Джейн, — серьёзно ответила я служанке. — Передай остальным, чтобы не тревожились: не разобравшись действовать не буду. — И Джейн просияла довольной улыбкой.

Возможно, это следовало счесть добрым знаком: то, что слуги считали меня будущей хозяйкой Каннингем-холла. А возможно, другой парламентёр разговаривал о том же самом со вторым вероятным наследником (и это, кстати, было бы в высшей степени разумным). В любом случае мне пока грозил не разговор с Грейс, а ужин с кузеном Фредериком, на чём и следовало сосредоточиться.

***

— О, кузина, вы просто очаровательны в этом платье! Нет-нет, вам правда очень идёт, пускай и траур… Кхм. Кажется, я… Кхм. Но не слишком ли оно лёгкое? Прошу вас, присядьте сюда, чтобы вам было теплее! Не развести ли огонь в камине пожарче? Нет? Вы уверены? О, кухарка расстаралась и приготовила белый суп! Уверен, кузина, это спе-

циально для вас!

«Господи, когда же ты заткнёшься!»

Думать так было исключительно невежливо, однако кузен Фредерик до такой степени пытался быть галантным, что вынес мне мозг уже минут через десять от начала ужина. Более того, он ухитрялся есть и болтать одновременно. И ладно говорил бы что-то по делу — львиную долю его речей можно было с чистой совестью отнести к белому шуму.

«Эх, и Райли здесь нет!..»

Отчего-то мне казалось: в его присутствии Фредерик вёл бы себя гораздо сдержаннее. Увы, формально Райли находился на уровне чуть повыше Бэрридона, а значит, не имел права сидеть за одним столом с “господами”.

«Ладно, — хмуро думала я про себя, растягивая губы в рассеянной улыбке в ответ на очередной пассаж Фредерика. — Хочешь болтать — болтай на пользу».

И ловко вклинилась в паузу, во время которой попробовавший сладкий омлет кузен закатывал глаза, всем видом показывая, насколько же ему вкусно.

— Дорогой кузен, с каждой минутой я всё более радуюсь, что обрела в вашем лице нового родственника.

Это была неприкрытая лесть, однако я верно угадала характер сотрапезника. После такого вступления он буквально раздулся от гордости, вызвав у меня обидную ассоциацию с индюком.

— Но я до сих пор теряюсь в догадках, — продолжила я. — Как ж так вышло, что это знакомство состоялось только сейчас? Разве мой покойный супруг не пригласил вас на нашу свадьбу?

Потому что Мэриан наверняка запомнила бы «нового родственника», будь он представлен ей. Да и позже, я уверена, мы бы пересеклись — на том же приветственном балу, который стал для Каннингема последней каплей и после которого меня отправили в Колдшир.

Вопрос попал в яблочко. Лицо кузена Фредерика слегка вытянулось, и ответил он не сразу, хотя, казалось бы, что было проще?

— Видите ли, драгоценная кузина, в ту пору меня не было в королевстве. Я жил в Вест-Индии, откуда вернулся меньше месяца назад.

— Ах вот оно что! — протянула я. — И чем же вы занимались в Вест-Индии? Если, конечно, это не тайна.

Фредерик поскучнел ещё заметнее.

— Нет никакой тайны: я приобрёл небольшую плантацию сахарного тростника и решил немного пожить на чужбине, чтобы наладить дело.

— И, конечно же, преуспели? — мягко уточнила я.

— Зависит от того, что считать успехом, — увильнул кузен от прямого ответа, а затем вообще поспешил перевести тему: — Уверяю, кузина, как и любые мужские дела это очень скучно. Давайте лучше поговорим о вас. Я, каюсь, так и не спросил, как вам дорога из Хайланда в столицу.

— Дорога прекрасная, — хладнокровно ответила я. И, не давая ему соскочить обратно на пустую болтовню, продолжила гнуть своё: — Не сочтите меня навязчивой, кузен, но мне ужасно хочется узнать вас получше. И особенно интересно, что за размолвка произошла когда-то между вашей семьёй и семьёй моего почившего супруга?

Глава 12

— О, это дела столь давно минувших дней!.. — О которых кузену явно говорить не хотелось. — Не думаю, что стоит ворошить прошлое, тем более справедливость всё-таки… Кхм. Словом, очаровательная кузина, я уверен: вам это будет неинтересно.

— Нет-нет, мне очень интересно! — Я даже демонстративно отложила вилку и отодвинула тарелочку с омлетом. — Прошу вас, поделитесь! Тем более, как вы сами сказали, справедливость восторжествовала.

Кстати, в чём именно? В гибели не оставившего прямых наследников Каннингема (бастарды, если они у него были, не в счёт)?

— Я всё же думаю… — промямлил Фредерик, встретился со мной взглядом и уступил: — Хорошо, кузина. Вижу, что сам виноват, раздразнив ваше любопытство. Но прошу: не ждите какой-то особенно захватывающей истории.

И он весьма сжато и сухо изложил типичный сюжет для романа: начало века, старинный и знатный род, двое сыновей-наследников, старший скомпрометировал себя в глазах

строгого родителя…

— Из нашего времени, дорогая кузина, всё видится не столь уж трагическим. Подумаешь, карточный долг — у кого их не бывает? Угрозы долговой ямы вообще полнейший блеф: никто, повторяю, никто не осмелился бы отправить туда старшего сына самого лорда Каннингема! В конце концов, наша семья в родстве с королями!

Однако тогдашний глава рода решил иначе. И старший сын лишился права наследовать титул и состояние. Всё отошло к младшему, а старшего отправили с глаз долой: в небольшое имение Саут-лодж на западе королевства. Где его ветвь и прозябала в тени блистательных родственников, пока последний из оных не почил в бозе.

И, как неудачно ляпнул кузен Фредерик, справедливость восторжествовала.

«Он вообще не берёт меня в расчёт, — хмуро думала я, выслушивая финальные заявления кузена, что история совершенно неинтересная, как он и предупреждал. — Неужели знает, что написано в завещании? Или это оттого что я женщина, а к женщинам здесь не принято относиться серьёзно? Как бы выяснить?»

— Поверьте, это было очень увлекательно, — уверила я, когда рассказчик наконец замолчал. — Благодарю за столь красочный рассказ. Но вы что же, думаете, будто после оглашения завещания положение вашей семьи кардинально переменится?

— Понимаю ваше беспокойство, кузина. — Как Фредерик ни старался, в его тоне звучали нотки барственного снисхождения. — Не волнуйтесь, мой кузен и ваш супруг наверняка не обошёл вас в изъявлении своей последней воли. Но поймите меня правильно, главным наследником может быть только мужчина. Ни одной леди, сколь бы очаровательной она ни была, не справиться с управлением целым состоянием лордов Каннингемов. И потом (снова прошу прощения и умоляю не понять меня превратно) вы не принадлежите семье Каннингемов по крови.

Значит, точной информации у него нет, а есть только гонор и самоуверенность. Чтобы не ляпнуть лишнего, я повторила себе: вариант, высказанный кузеном, устраивает меня даже больше, чем вступление в полновесное наследство. Только бы денег дали, а с титулом высокородного лорда и всеми вытекающими пусть разбирается этот индюк.

И решив, что не выдам себя, произнесла самым милым тоном:

— Я поняла вас, кузен. Благодарю за откровенность — это качество настоящего аристократа.

Фредерик снова надулся и, понизив голос, многозначительно произнёс:

— Вам не о чем тревожиться, кузина. Что бы ни было написано в завещании кузена, вы не будете прозябать.

Кхе. Надеюсь, это о «вдовьей доле», которая вроде как положена мне по закону. Правда, ничего конкретного о ней Райли (от которого я и узнала эту информацию) сообщить не смог.

— Спасибо за слова ободрения, кузен. — Я надеялась, что это подтолкнёт его к новым откровениям.

Однако Фредерик лишь состроил загадочное лицо и предложил мне «кусочек замечательного яблочного пирога — такого нежного, что просто тает во рту!», на чём серьёзные разговоры за ужином и закончились. Тем не менее к себе в комнаты я унесла достаточно полезной информации — и достаточно поводов, чтобы плохо спать этой ночью.

«Нет, главной наследницей меня не объявят, — думала я, покуда Джейн расчёсывала мои волосы перед сном. — Тут

кузен прав: это мир патриархата и на наследство рассчитывать нечего, если ты не королева Виктория. Рассчитывать надо на деньги или какую-нибудь недвижимость. Её можно будет быстренько продать — тому же Фредерику, если окажется что-то статусное, — и всё равно выйти из этой истории с прибылью. Только бы Каннингем не придумал какую-нибудь подставу! Нехорошо так говорить о покойных, но от него чего угодно ждать можно».

Я покусала губу и обратилась к служанке.

— Спасибо, Джейн, можешь идти. Только пригласи ко мне Бэрридона, хочу уточнить у него кое-что.

Лучше, конечно, было бы обсудить всё с Райли, но вызвать его я не могла. Мы не в дружественных стенах Колдшира, а в столице, где все только и ждут, когда ты оступишься.

— Слушаюсь, госпожа.

Джейн убежала, и вскоре в дверь вежливо постучали.

— Входите, Бэрридон! — разрешила я.

И когда дворецкий послушался, сказала:

— У меня к вам всего один вопрос. Вы не знаете, когда лорд Каннингем написал своё завещание?

Бэрридон собрал высокий лоб складками.

— Если мне не изменяет память, леди Каннингем, господин Майлз был вызван к его светлости спустя день после вашего отъезда.

Тц. То есть когда Каннингем держал на меня даже не зуб, а целую челюсть.

«Прекрасно. Успокоила нервы, называется».

— Спасибо, Бэрридон. — Я очень постаралась спрятать тоску в голосе. — Доброй ночи.

— Доброй ночи, леди Каннингем.

Дворецкий ушёл, а я погасила светильник и забралась в просторную и холодную постель.

Всё решится завтра, и повлиять на то, каким образом, у меня не было ни малейшей возможности.

Глава 13

До Кингстон-роуд, где находилась контора каннингемского поверенного, карета доставила меня и Фредерика (было невежливо не пригласить его поехать вместе, чем кузен и воспользовался) ровно к трём пополудни. Кроме нас, к Майлзу приехал Райли (моя неизменная группа поддержки), чьё присутствие заметно нервировало кузена. Для меня, однако, это обернулось двумя плюсами: во-первых, исходившее от Райли железобетонное спокойствие передавалось и мне, а во-вторых, всю недолгую поездку Фредерик помалкивал.

И всё же, поднимаясь на каменное крыльцо элегантного кирпичного здания, чьи высокие окна украшала искусная резьба, а на одной из табличек рядом с массивной дверью было указано «Г-н Джошуа Майлз, поверенный», я серьёзно нервничала.

Впрочем, стоило войти в прохладный, наполненный гулким полумраком холл, как на переживания не осталось времени.

— Леди Каннингем! Доброго дня, ваша светлость! — приветствовал меня невысокий и полный мужчина в неброском, но, очевидно, дорогом костюме. На его выдающемся носу восседали круглые очки в черепаховой оправе, а жидкие

светлые волосы были гладко зачёсаны назад.

— Позвольте представиться! — Мужчина поклонился мне с изяществом, какое сложно было ожидать при его фигуре. — Джошуа Майлз, поверенный его светлости лорда Каннингема, да покоится он с миром.

— Приятно познакомиться, господин Майлз. — Я подала ему руку, которую поверенный бережно пожал. — Жаль лишь, что по столь печальному поводу.

— Увы, — вздохнул тот. — И достойнейшие уходят, когда наступает срок.

На этом он переключился на мужчин: поздоровался и представился сначала Фредерику, затем Райли, причём последнему заметил не совсем понятное: «Как удачно, что вы тоже смогли прийти».

«Выходит, и Райли наследник, — сделала я логичный вывод. — Надеюсь, у Каннингема хватило совести оставить ему что-то достойное».

А Майлз, наконец закончив с необходимыми церемониями, повёл нас в свою контору, расположенную на первом этаже.

Здесь было неожиданно уютно: неяркое освещение, тяжёлые занавеси на окнах, шкафы, уставленные книгами с латинскими названиями, ковёр, массивный стол с письменным прибором и бронзовым бюстиком какого-то античного деятеля, кресла для посетителей. В последние усадили меня и Фредерика, Райли по обыкновению остался стоять за моей спиной, а Майлз остановился у стола. Взял с его полированной столешницы единственный документ и продемонстрировал нам сургучную печать с оттиском вензеля «АК». Затем сломал сургуч, развернул плотную коричневатую бумагу, кашлянул и начал:

— «Я, высокородный лорд Александр Каннингем, находясь в здравом уме и твёрдой памяти…»

Он читал с профессиональной монотонностью, однако слушали его внимательнее, чем иного оратора.

— «Завещаю своё движимое и недвижимое имущество, за исключением отдельно указанных пунктов…»

Я заметила, что кузен Фредерик напрягся, да и сама чувствовала себя натянутой струной.

— «...моему единственному близкому родственнику по крови, Фредерику Каннингему из Саут-лоджа. Опись оного

имущества прилагаю ниже».

Наследник не удержал облегчённого выдоха, но тут же горделиво распрямил плечи и бросил на Райли торжествующий взгляд. Однако тому, к разочарованию Фредерика, было плевать на чьё-то там торжество.

Он, как и я, ждал, когда прозвучит моё имя.

— «Моей супруге, леди Мэриан Каннингем, урождённой Броуди, согласно закону достаётся десятая часть моего имущества…»

Так вот ты какая, пресловутая «вдовья доля»! Хотя «десятая часть» звучит откровенно небогато, но кто знает, сколько это на реальные деньги.

— «…коей является подаренное ей имение Колдшир, что в Хайланде».

Что? Погодите, да это мухлёж какой-то!

— «Моему приёмному брату, Джеймсу Райли, оставляю охотничий домик в Суссексе и полагаю ему сто золотых монет ежегодно до конца его дней».

Фредерик слегка скривился: подумаешь, какой-то там охотничий домишко да сотня золотых! А я всё никак не могла прийти в себя от полученного известия.

Каннингем завещал мне Колдшир, полуразрушенный, с до сих пор висящим на нём долгом и отчаянно нуждающийся в ремонте. То есть…

Я поняла, что сжимаю правую руку в кулак, и разжала пальцы.

То есть не оставил мне ровным счётом ничего.

— «Подписано собственноручно: Александр Каннингем. 28 юниуса, 1885 года».

Майлз закончил чтение и аккуратно сложил документ. Обвёл нас взглядом поверх съехавших на кончик носа очков и уточнил:

— Есть ли у вас вопросы, леди Каннингем, господа?

— О, никаких вопросов! — важно махнул рукой Фредерик, уже в полной мере чувствуя себя высокородным лордом.

И почти одновременно с ним голос прорезался и у меня.

— Я бы хотела спросить, господин Майлз. Скажите, насколько правомерно с точки зрения закона завещать то, что уже было подарено в полную собственность?

Глава 14

— Кхм. — Майлз поправил очки. — Видите ли, леди Каннингем, подобные прецеденты редки, но иногда так делают. Например, когда хотят помочь наследнику незамедлительно, — это, знаете ли, весьма укрепляет, м-м, родственные чувства.

То есть когда не хотят, чтобы наследник с нетерпением ждал кончины завещателя, — расшифровала я. Остроумно. Жаль только, в моём случае Каннингем руководствовался совсем другими соображениями.

Мне стало до ужаса тоскливо: я так рассчитывала хоть на что-то, а в итоге оказалась на бобах.

«Надеюсь, он хотя бы злорадствует, наблюдая из посмертия за моими потугами».

— Я ответил на ваш вопрос, леди Каннингем? — Поверенный деликатно отвлёк меня от пессимистичных раздумий.

— Да, господин Майлз. — Спорить или возмущаться смысла не было.

— В таком случае, — поверенный перевёл взгляд на Фредерика, — с вашего позволения, лорд Каннингем, завтра к трём я привезу в Каннингем-холл все необходимые бумаги. Господин Райли, буду крайне признателен, если вы заедете…

— Я тоже буду завтра в Каннингем-холле, — спокойно перебил его Райли. — И смогу подписать всё, что нужно.

— Хорошо, господа. — Майлз наклонил голову, отчего очки вновь сползли ему на кончик носа. — А теперь, когда с делами покончено, не желаете ли выпить чая?

Фредерик открыл рот, собираясь принять единоличное решение: лорд Каннингем, как же! — однако я его опередила.

— Благодарю, господин Майлз, однако я предпочла бы вернуться в Каннингем-холл. Поймите правильно: всё это очень непросто для меня.

— Конечно, я понимаю, леди Каннингем! — без промедления заверил Майлз. — И в свою очередь прошу вас помнить: если вам когда-либо потребуются услуги поверенного, я с удовольствием сделаю для вас всё, что в моих силах.

«И скидочку дашь по-братски?» — мысленно усмехнулась я. Вслух же вежливо поблагодарила и поднялась из кресла, не вербально ставя точку в разговоре. Фредерик тоже встал, вынужденный подчиниться моему решению, и Майлз отправился нас провожать.

Официальное «лордство» сделало кузена смелее и, вместо того чтобы помалкивать, как по дороге на Кингстон-роуд, он принялся разглагольствовать, едва карета тронулась с места.

— Вижу, вы огорчены, дорогая кузина, но право же, это лишнее! Вы можете жить в Каннингем-холле сколько пожелаете: его двери всегда открыты для вас! Тем более год траура промелькнёт незаметно, а такая прелестная леди, как вы, разумеется, не останется без преданных поклонников.

Тут он невольно покосился на Райли, восседавшего рядом с ним натуральной статуей Командора, и поперхнулся. Я понадеялась, что это знак: до конца пути Фредерик заткнётся. Но не проехали мы и квартала, как он продолжил.

— Кстати, кузина, вы не думали посетить королевский бал в честь начала осеннего сезона? Уверен, что теперь смогу раздобыть для нас с вами приглашения без особенных хлопот. Бал должен состояться послезавтра — я понимаю, времени немного, чтобы подготовиться сполна. Однако вы и без

того столь очаровательны, что могли бы поехать в Бэкингемский дворец хоть сейчас и произвести там подлинный фурор.

Я изобразила улыбку.

— Благодарю за комплимент, кузен. Но я пока не в силах думать о балах.

И протелепатировала: «А теперь будь добр, заглохни. Или я за себя не отвечаю».

Не знаю, подействовало ли моё телепатическое внушение, или у Фредерика исякли темы для болтовни, однако он ограничился разочарованным «Да-да, понимаю», и до Каннингем-холла мы доехали в тишине. Возможно, кузен ей тяготился, но лично я получила благословенную возможность пройти стадии от гнева и отрицания до смирения с реальностью. И когда карета въехала в распахнутые привратником кованые ворота особняка, у меня было примерное представление, куда двигаться дальше.

Но прежде следовало всё обсудить с Райли.

С этой мыслью я вышла из кареты и только собралась сообщить Фредерику, что собираюсь немного пройтись по саду в компании управляющего, как к нам с несвойственной ему торопливостью приблизился Бэрридон. В руках он дер-

жал маленький серебряный поднос, на котором лежало письмо, бумагой и печатью напомнившее мне каннингемское завещание.

Вот только оттиск на печати был другой.

— Леди Каннингем, — поклонился дворецкий. — Доставили послание для вашей светлости. Из Бэкингемского дворца.

От короля? Этому-то что от меня надо? Или королева желает лично обсудить колдширские розы?

— О-о, кузина! — протянул у меня над ухом Фредерик. — Я же говорил: вам не стоит огорчаться попусту. Леди Каннингем никогда не останется без поддержки, в том числе со стороны его величества.

— Спасибо, Бэрридон. — Я предпочла пропустить пассаж кузена мимо ушей. Взяла письмо и обратилась к мужчинам: — С вашего позволения, господа, пройдусь немного по саду. Райли, — наши взгляды встретились, — найди меня позже. Надо обсудить дела Колдшира.

Райли деревянно поклонился — гнуть спину он по-прежнему не умел да и не стремился учиться. Фредерик же вы-

дал что-то вроде: «Конечно-конечно, кузина, чувствуйте себя здесь как дома!» — и я покинула их, быстрым шагом направившись в сторону сада.

Глава 15

Королевское письмо жгло мне ладонь, однако распечатала я его, лишь оказавшись в полном одиночестве на обсаженной самшитом дальней садовой аллее. Волнуясь, разломила печать с оттиском геральдической розы, по обеим сторонам которой стояли на задних лапах лев и единорог, развернула бумагу и прочла.

«Бэкингемский дворец, 30 аугустуса 1885 года

Дорогая леди Каннингем,

С глубокой печалью и сожалением узнал о внезапной и безвременной кончине вашего мужа, лорда Каннингема. Его преданность обществу и добродетели навсегда останутся в нашей памяти.

В это горестное время примите, пожалуйста, мои искренние соболезнования и приглашение на утреннюю аудиенцию завтра, 31-го аугустуса, в десять часов в Малом павильоне.

С уважением и сочувствием,

Георг V, милостью высших сил король Соединённого королевства».

«Охренеть!»

— С ума сойти!

К счастью, фильтр на выражения работал без сбоев, поэтому выразилась я в духе Мэриан. Но блин, это что же, серьёзно? Король действительно хочет видеть леди Каннингем, причём сообщает об этом лично да ещё и практически сразу после её приезда?

«Интересно, от кого он узнал? — Я вперила взгляд в короткое послание, словно хотела увидеть ответ между строк. — А ведь придётся ехать: королям не отказывают. Причём с запасом времени — пока найдёшь этот Малый павильон!»

Не удержав вздох, я тяжело опустилась на мраморную скамейку в алькове из ветвей кустарника. Аккуратно сложила королевское послание, убрала его в конверт и крепко задумалась.

Хорошо это или плохо — аудиенция у короля, причём по его инициативе? Райли говорил, будто именно король вынудил Каннингема жениться едва ли не на первой встречной. Так что монарху понадобилось от вдовы? Присмотрел ей нового жениха?

— Только через мой труп, — пробормотала я под нос и немедленно выпрямилась, услышав рядом шорох чужих шагов. Повернулась на звук и не без облегчения выдохнула:

Райли! Сияя улыбкой, поднялась навстречу, и по его хмурым чертам скользнул ответный солнечный лучик.

— Что там? — спросил Райли, подойдя, и я без колебания протянула письмо.

— Прочти сам. Но мне почему-то думается: ничего хорошего.

Райли посмурнел, взял у меня конверт и внимательно прочёл послание. Уронил:

— Ясно, — и вернул мне бумагу.

— Что он может хотеть? — спросила я, осознавая, что вряд ли получу конкретный ответ.

В конце концов, кто может угадать мысли короля?

— Что угодно. — Райли устремил сосредоточенный взгляд к дальнему концу аллеи. — От желания лично выразить вам соболезнования до… Не знаю. А гадать не хочу.

Он машинальным жестом положил руку на пояс, словно ища там эфес шпаги или рукоятку пистолета, и я мягко коснулась его пальцев.

— Ничего, справимся. Возможно, это вообще шанс уговорить его выделить денег на восстановление Колдшира. Раз уж с завещанием всё так обернулось.

Услышав последнее, Райли встряхнулся от явно тягостных мыслей и произнёс:

— Ах да, завещание. Я хотел сказать, что собираюсь продать охотничий домик, а также попросить Фредерика разово выплатить мне всю сумму, завещанную Сандро. По моим прикидкам этого хватит, чтобы вернуть банку весь долг, и даже останется на ремонт замка.

— Спасибо. — От глубокой благодарности у меня дрогнул голос. — Но в этом нет необходимости, правда.

— То есть как нет? — Нахмурившись, Райли перевёл взгляд на меня. — Где тогда вы возьмёте деньги?

— Где-нибудь, — беспечно махнула я рукой. И убеждающе продолжила: — Домик и годовая выплата — твоя гарантия достойного существования на какой-нибудь дурной случай. От них нельзя отказываться просто так.

— Не просто так, — упрямо парировал Райли, — а ради

вас и Колдшира. Я прекрасно жил без этого наследства и так же прекрасно проживу дальше.

И не успела я набрать воздуха, чтобы ответить, добавил:

— Я не собираюсь сидеть на деньгах и смотреть, как вы бьётесь за замок, моя леди. Это не обсуждается.

И хотя с благородными леди подобными фразами не разговаривают, я не возмутилась, а, сжав ладони перед грудью, с искренним чувством повторила:

— Спасибо. Я очень ценю, правда. Но, пожалуйста, пусть это останется самым крайним вариантом, ладно? Когда иного выбора не будет.

Райли крепко сжал губы: ему моё предложение по-прежнему не нравилось.

— Пожалуйста. — Как же мне хотелось обнять его! Или хотя бы просто сжать руки в руках. — Никто не знает, что ждёт нас в будущем. Возможно, домик и деньги окажутся нужнее для чего-то другого.

Долгий взгляд глаза в глаза, и Райли нехотя уступил.

— Хорошо, моя леди. Не будем спешить.

Я наградила его благодарной улыбкой и предложила:

— Пройдёмся немного? Я хочу рассказать свои мысли о том, как нам справиться без каннингемского наследства.

Райли молча кивнул, и мы бок о бок двинулись по аллее.

План мой был до безумия прост: ранжировать проблемы и решать от более насущных к менее. В самом деле, восстановление донжона могло и подождать: где жить у нас было, зиму как-нибудь перекантовались бы в башнях.

— Важны розы, — говорила я. — Они — ключ к процветанию Колдшира. И важно своевременно гасить долги перед банком. На ближайшее время средства для этого у нас есть, а далее я, возможно, смогу уговорить Гилби об отсрочке… Или подтянем пояса и попробуем накопить сумму с выплат арендаторов. Так мы сохраним имение, а дальше только вопрос времени. Розы непременно зацветут вновь, а вместе с ними расцветёт и Колдшир.

— Ваши слова да высшим силам в уши, — невесело усмехнулся Райли. Помолчал и добавил: — Сразу скажу: обойдусь без жалования. И полностью рассчитывайте на те сто золотых в год, которые мне будут выплачивать. Суммы

невеликие, и всё же…

— Для нас сейчас каждая медяшка — подспорье, — серьёзно подхватила я. Посмотрела на высокие серые стены Каннингем-холла и почти риторически спросила: — Значит, после аудиенции в Бэкингеме — домой?

— Да, — твёрдо отозвался Райли, и мы обменялись понимающими взглядами.

Что поделать, если столица одинаково не нравилась нам обоим?

Однако она, в свою очередь, так просто отпускать нас явно не хотела. И если первым вестником этого стало королевское послание, то вторым — появившийся в конце аллеи озабоченный Бэрридон.

— Леди Каннингем, — с поклоном начал он, приблизившись к нам с Райли. — Осмелюсь доложить, к вам прибыли гости.

— Гости? — удивилась я. — Ко мне? Не к кузену?

Я ведь никого не приглашала и не ждала!

— К вам, ваша светлость, — подтвердил дворецкий. — В

Каннингем-холл приехали ваша матушка и сёстры.

Глава 16

Было чувство, что они узнали меня не сразу. Секунды три мы просто смотрели друг на друга: я в строгом траурном платье и леди Джейн с дочерьми, разряженные по последней (как мне думалось) моде.

«Чисто Золушка и мачеха с сёстрами», — хмыкнула я про себя.

И словно услышав, леди Джейн отмерла.

— Мэриан! Крошка моя! Какое горе, родная! Какой удар!

Я оказалась прижата к обширной груди матери Мэриан, и в носу запершило от острого приступа сентиментальности. Эта женщина искренне любила свою младшую дочь и желала ей только добра.

Так, как сама его понимала.

— Здравствуйте, маменька. — Мне пришлось сделать паузу, чтобы глотнуть воздуха и справиться с голосом. — Ничего, я уже почти оправилась.

— От такого нельзя оправиться, — покачала головой леди Джейн. — Ох, даже не представляю, что бы со мной было, отправься ваш папенька в лучший мир!

Похоже она напрочь забыла наш разговор, когда я призналась, что не хочу быть женой Каннингема. А может, просто была уверена: раз овдовела, должна горевать, и баста.

Между тем леди Джейн обернулась к дочерям:

— Девочки, ну что же вы? Кэтрин, Джорджиана! Подойдите к сестре!

Сёстры нехотя повиновались. Обе они были весьма миловидными; Кэтрин выглядела чуть посерьёзнее — возможно, из-за прямых каштановых волос, а Джорджиана с её золотистыми кудряшками казалась легкомысленной.

— Кэти! Джорджи! Как давно мы не виделись!

Я обняла их, как того требовали неписаные правила, однако ответные объятия получила весьма вялые.

«Они что-то имеют против меня?» — мысленно удивилась я. Но разве леди Джейн не говорила, что после моего замужества на сестёр стали обращать больше внимания?

— Здравствуй, Мэриан, — за обеих ответила Кэтрин. — Рады, что ты в добром здравии, несмотря на горе.

Я улыбнулась ей и повела всю компанию пить чай в гостиной.

Вид холла и здания в целом вызвал у гостей шквал воспоминаний о приветственном бале, который я давала в качестве леди Каннингем.

— Ах, дорогая, словно вчера это было! — Леди Джейн смахнула крохотную слезинку уголком кружевного платка и элегантно опустилась на тахту.

А Джорджиана, занявшая одно из кресел у чайного столика, требовательно спросила:

— Ты ведь будешь устраивать ещё балы, сестрица?

— Джорджи, что ты говоришь! — шикнула на неё мать. — Мэриан в трауре! Да и времени даже месяца не прошло!

— Я ведь не говорю устраивать бал прямо сейчас, — уверенно парировала Джорджиана. — Может быть, в октябрусе…

— Я не планирую устраивать балы, — хладнокровно прервала я. — И вообще не собираюсь задерживаться в столице. Как только станет возможным, я вернусь в Колдшир.

— Вернёшься? — Моё заявление откровенно шокировало гостий.

И спустя паузу они заговорили едва ли не в унисон.

— Моя дорогая, это безумие! Замок ведь разрушен, где ты будешь жить?

— Мэриан, ты в уме? Зачем возвращаться в эту глушь?

— Сестрица, это чистый бред! А как же светская жизнь? У тебя больше нет причин прозябать в деревне!

Слушая их, я лишь загадочно улыбалась и разливала чай по высоким, похожим на цветы лилии чашечкам. А когда гомон более или менее стих, спокойно заметила:

— Прошу вас, угощайтесь. Очень рекомендую яблочный пирог — просто тает во рту.

Увы, ни сладости, ни едва-едва вошедший в моду эрл грей не сбили родственниц Мэриан с разговора.

— Дорогая, я не понимаю. — Леди Джейн всё же хотела получить внятный ответ. — Что мешает тебе остаться в Каннингем-холле?

— Как минимум то, — не было смысла скрывать своё положение, — что он мне не принадлежит.

У гостий вырвалось единодушное «Как?».

— А кто же его хозяин? — уточнила Кэтрин, и я совершенно ровным тоном ответила:

— Лорд Фредерик Каннингем, кузен моего покойного мужа. Именно к нему по завещанию перешли титул и почти всё имущество лорда.

Судя по вытянутым лицам леди Джейн и её дочерей, такого они не ожидали.

— Я не думала, что лорд Каннингем настолько консервативен, — пробормотала первая, нервно обмахиваясь веером. — Так поступали раньше, но в наше время оставить жену без средств к существованию!..

— Он оставил мне Колдшир. — Я понимала, что с их точ-

ки зрения возмутительно спокойна, однако ничего с этим делать не собиралась. — Уверяю, этого более чем достаточно.

Вместо ответа леди Джейн лишь скорбно покачала головой. Зато Джорджиана вдруг выпалила:

— Значит, тебе надо просто выйти замуж за этого Фредерика, сестрица!

— Джорджи! — Шокированная мать прижала к груди пухлую ладошку.

Я же с трудом подавила смешок: ай да сестричка у Мэриан! Вот уж кто создан для столичной жизни!

Но кстати, почему она до сих пор не помолвлена, с таким-то подходом? Или помолвлена, да я не знаю, оттого что забила на переписку с родными Мэриан? Только букет роз им отправила, но был ли ответ на подарок, в памяти не удержалось.

— А что такого? — между тем повела Джорджиана точёными плечами. — Сколько там длится обязательный траур? Год? Да, многовато — жениха могут и увести… Но если постараться, можно получить специальное разрешение у его величества! Скажи, Мэриан, — она требовательно посмот-

рела на меня, — лорд Фредерик ведь холост и не помолвлен?

— Насколько мне известно, нет, — честно ответила я. И забавляясь, продолжила: — Впрочем, он приехал из Вест-Индии. Кто знает, вдруг у него там осталась безумная жена, которую он держит взаперти и никому об этом не рассказывает?

Сёстры округлили глаза:

— Это возможно?!

— Кто знает? — таинственным тоном повторила я, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— Ох, Мэриан, хватит! — Леди Джейн как будто подурнело ещё сильнее. — Совершенно несмешной розыгрыш! Я уверена, лорд Фредерик достойный молодой человек…

— А он молод? — вступила в разговор Кэтрин.

— Лет на пять младше моего покойного супруга. — Я без труда вернулась к светскому тону. — Думаю, надо вас познакомить.

— А он здесь? — У Джорджианы загорелись глаза. — В

Каннингем-холле?

— Да, — подтвердила я, и леди Джейн немедленно замахала руками.

— Ох нет, нет! Мы ведь ехали к тебе, а для знакомства с лордом одеты совсем неподобающим образом…

— Ничего подобного, маменька! — дерзко возразила Джорджиана, а Кэтрин энергично кивнула, подтверждая. — Конечно, мы хотим познакомиться с ним, Мэриан!

— Девочки… — Леди Джейн была не на шутку выбита из колеи.

И как бы я ни сочувствовала ей, отказать себе в этой шутке не могла. Потому позвонила в колокольчик, а когда в комнату вошла горничная, попросила:

— Эми, будь добра, спроси у кузена Фредерика, не сможет ли он спуститься в гостиную? Я хочу познакомить его со своей семьёй.

Глава 17

Естественно, Фредерик не отказался от знакомства. Он пришёл в гостиную и с характерной приторной обходительностью расшаркался перед дамами, чем незамедлительно их покорил. А дальше мне осталось лишь скромно отойти в тень и с интересом наблюдать, как сёстры Мэриан пытаются охмурить «завидного жениха». Кэтрин старалась взять рассудительностью, Джорджиана — жеманством, и я была уверена: присутствуй с нами Джейн Остин, эта сцена наверняка вошла бы в какой-нибудь из её романов.

Однако, в отличие от знаменитой писательницы, полностью посвятить себя наблюдению за «причудами человеческой натуры» я не могла. Пока сёстры занимали Фредерика (будь у него хвост — распушил бы его под стать иному павлину), леди Джейн почти не участвовала в разговоре. И это была хорошая возможность прояснить несколько моментов.

— Скажите, маменька, — вполголоса начала я, отвлекая родительницу Мэриан от прислушивания к болтовне дочерей, — а где папенька?

— Ах, он как всегда! — Леди Джейн вынужденно перевела на меня взгляд. — Уехал в свой клуб. И как раз тогда, когда госпожа Хэтч, принесла новость, что видела тебя сего-

дня на Кингстон-роуд! Она так и сказала: «Дорогая Джейн, я уверена, что это была ваша крошка Мэриан. Сперва, конечно, не узнала её, но потом присмотрелась и заметила герб Каннингемов на карете». И сразу же приехала к нам, что, безусловно, очень любезно с её стороны.

— Так вот откуда вы узнали!.. — протянула я и прикусила язык, осознав, насколько невежливо это прозвучало.

— Да, дорогая. — Взгляд леди Джейн преисполнился укоризны. — И мне очень грустно, что о столь важных новостях из твоей жизни мы узнаём вот так, а не от тебя.

— Простите, — искренне попросила я. — Со всеми этими событиями я сама не своя.

Леди Джейн милостиво кивнула и ласково пожала мою руку.

— Могу понять, родная. Ты так изменилась с нашей последней встречи! Заметь я тебя на улице, пожалуй, тоже узнала бы не сразу.

— Это всё траурное платье. — Не знаю, в чём именно я переменилась, но развивать тему не хотелось. И потому, понизив голос едва ли не до шёпота, я спросила: — Мамень-

ка, а Кэти и Джорджи ещё не собираются покинуть вас с папенькой?

С лёгкостью разгадав эвфемизм, леди Джейн тяжело вздохнула.

— Увы, дорогая. Столько многообещающих знакомств, но пока… Увы. Хотя Кэти должны были сделать предложение, вот буквально на днях, но что-то пошло не так.

Теперь уже я с сочувствием похлопала её по руке.

— Уверена, всё к лучшему, маменька. Это лишь для того, чтобы сёстрам попалась ещё более выгодная партия.

Леди Джейн рассеянно улыбнулась в ответ. Её внимание вновь переключилось на Фредерика и девиц, и как раз в этот момент Джорджиана выдала:

— Но вы ведь будете давать балы, кузен? Ах, скажите, что да! Каннингем-холл просто создан для балов!

«Оп-па! — хмыкнула я мысленно. — Уже кузен! Честно, я буду долго смеяться, если новоиспечённого лорда охмурит кто-то из них».

— Пока не могу сказать ничего определённого, драгоценная кузина. — Фредерик, в свою очередь, головы не терял несмотря на все кокетливые взгляды и вздохи. — Надо получше вникнуть в дела. Но можете не беспокоиться: если соберусь дать бал, вы все будете приглашены в первую очередь.

Тут он со значением посмотрел на меня и добавил:

— А также буду очень признателен, если в этом случае кузина Мэриан поможет мне всё устроить наилучшим образом.

Хорошо, что я не успела отхлебнуть из чашки, иначе точно поперхнулась бы.

Помочь Фредерику с балом? Ха! Только если испортить его, как в своё время приветственный бал Каннингема.

— К сожалению, ничего не могу обещать, кузен. — Чтобы «не отбиваться от коллектива» я добавила в голос патоки. — Я собираюсь как можно скорее вернуться в Колдшир.

— Вернуться? — Фредерик как будто и впрямь был ошарашен. — Но зачем? Я ведь не раз говорил: считайте Каннингем-холл своим домом! А уж если вспомнить о письме его величества…

Он расчётливо замолчал, прекрасно понимая, что последует дальше. И не ошибся.

— Его величество прислал тебе письмо?! — ахнула леди Джейн. — И о чём оно, дорогая?

«Отлично, Фредерик, — кисло подумала я. — Нашёл способ всё выяснить, любопытный ты наш».

Впрочем, мне в любом случае пришлось бы поделиться тем, что на завтра назначена аудиенция. Потому я кратко ответила на вопрос и успела заметить выражение незамутнённой зависти, на несколько секунд сделавшее лица сестёр откровенно некрасивыми.

Зато леди Джейн от души обрадовалась.

— Поздравляю, дорогая! Такая честь!

А Фредерик подхватил:

— Вот видите, кузина, сам король благоволит вам! Я понимаю, скорбь призывает вас избегать общества, но поверьте: здесь, в столице, она отступит гораздо быстрее, чем в деревенской глуши.

— Благодарю за слова поддержки. — Объяснять что-либо было во многом тратой времени и сил, потому я пошла по пути дипломатии. — Возможно, завтрашняя встреча с его величеством и впрямь переменит моё решение. А пока предлагаю всем взять ещё по кусочку пирога и выпить по чашечке чая.

И разговоры вернулись в русло обычной светской болтовни ни о чём.

Глава 18

Гостьи остались и на обед, который у нас «в деревне» Колдшир назвали бы ужином. Не знаю, какими словами поминала кухарка внезапно увеличившееся число едоков, однако стол был накрыт знатный.

Во время «скромной семейной трапезы» я выступала в роли хозяйки дома. Не уверена, что справилась (леди Джейн пару раз пришлось знаками показывать мне, что делать), однако Фредерик весь обед буквально раздувался от удовольствия. Количество высказываемых в мой адрес комплиментов росло в прогрессии, и я уже начала подозревать, что «дорогой кузен», осчастливленный титулом и состоянием, успел тайком приложиться к чему-нибудь высокоградусному из каннингемских запасов.

Сёстры же как-то сникли и оживились лишь к концу трапезы, когда Фредерик широким жестом предложил им и леди Джейн встретиться завтра в Гайд-парке и немного погулять. Хотели затащить на прогулку и меня, однако я отговорилась аудиенцией и делами.

— Делами? — удивлённо переспросил кузен, и я пояснила:

— Делами Колдшира.

— О. — Фредерик слегка наморщил лоб. — Но разве нельзя их поручить вашему управляющему?

Впервые на моей памяти он упомянул Райли, пусть и опосредованно. Вообще, складывалось впечатление, что кузен всеми силами старался игнорировать существование приёмного брата прошлого лорда Каннингема.

Даже после того, как было оглашено завещание.

— К сожалению, нельзя. — Под мягкостью моего ответа крылась сталь, и кузен, почувствовав это, не стал настаивать, хотя не скрыл разочарования.

Зато Кэтрин и Джорджиана как будто наоборот, обрадовались.

«Такое чувство, что они реально завидуют Мэриан, — думала я, исподтишка наблюдая за сёстрами. — Как же: первая вышла замуж, прогремела на всю столицу со своими розами. Не успела овдоветь, как новоиспечённый лорд Каннингем так вьётся вокруг, а король приглашает на аудиенцию… Вот же дурочки, прости Господи».

— Дела или нет, — отвлёк меня от размышлений голос леди Джейн, — но завтра вечером мы ждём тебя, дорогая, и вас, лорд Каннингем, с ответным визитом.

Отказ не предполагался: этикет-с. Потому мы с Фредериком заверили, что непременно приедем, и договорились на время — семь вечера.

Сказать по правде, я и сама планировала съездить к родителям Мэриан. Причём не столько из вежливости, сколько из желания обсудить с сэром Хьюго вопрос моего наследства. В конце концов, раз Каннингем выдал мне завещанное своеобразным авансом, может, и отец Мэриан подкинет какую-то сумму здесь и сейчас?

Вот только Фредерик… Оставалось надеяться, что сёстры возьмут его в оборот прямо с порога, и у меня появится возможность спокойно пообщаться с сэром Хьюго и леди Джейн.

И король — чем больше я об этом думала, тем сильнее крепла надежда добиться от него поддержки. Даже не денег (кредиты, пусть и государственные, такое себе), но официальной демонстрации благоволения к леди Каннингем и веры в будущее её чудесных роз. А то и рекомендации архитектора, которому можно доверить восстановление Колдшира. Это ведь не крышу перекрыть, здесь нужны знания и профессионализм.

«Завтра будет ещё один непростой день, — думала я, вежливо улыбаясь на очередной пассаж Фредерика. — И очень хочется верить, что после него туман будущего развеется хотя бы на ближайшие месяцы».

А ещё — станет понятно, когда мы сможем наконец-то уехать из столицы.

***

Как и в прошлую ночь, заснуть у меня долго не получалось. Слишком много мыслей бродило в голове, а поделиться ими было не с кем. Будь мы в Колдшире, я бы отправилась в кабинет: посидела над бумагами или за книжкой, а то и поговорила с Райли — тот по-прежнему не изменял привычке ночных обходов замка. Но в Каннингем-холле такое было невозможно…

«Почему это? — вдруг снизошло на меня запоздалое озарение. — Да, с Райли ты не поговоришь — не то время суток. Однако спуститься в библиотеку и поискать что-нибудь для чтения вполне можешь».

Я немедленно села на постели: точно! И почему это простое соображение не пришло ко мне раньше?

«Потому что ты чувствуешь себя здесь в гостях, — подсказал внутренний голос. — А гостям не комильфотно

шляться по дому в ночи».

Но ведь кузен не единожды подчеркнул, чтобы я чувствовала себя как дома? Вот и буду вести себя так!

И я решительно сунула ноги в домашние туфли. Зажгла свет, надела капот и туго его подпоясала. А затем вооружилась свечой и вышла из спальни.

Я знала, где находится библиотека, потому добраться до неё труда не составило. Дверь открылась почти без звука, однако я замерла на пороге.

В библиотеке царили тишина и полумрак, разгоняемый слабым светом камина. Книжные шкафы высились тёмными громадами, однако кресла и стоявшая спинкой к входу софа вроде бы были пустыми.

«Здесь кто-то был, но ушёл, оставив камин догорать?»

Я всё-таки переступила порог. Повыше подняла свечу и чуть не ойкнула, когда на софе вдруг села какая-то тёмная фигура.

— А-а, др-ражайшая к-кузина! Д-доброй ночи.

Покачнувшись, Фредерик поднялся на ноги и отвесил мне

подобие поклона. Затем сделал излишне широкий приглашающий жест и произнёс:

— П-прошу вас, делайте что хотели. Н-не стесняйтесь и н-не обращайте на меня внимания.

Глава 19

«Пьян в зюзю».

Я слегка поморщилась: терпеть не могу, когда напиваются. И сдержанно ответила:

— Доброй ночи, кузен. Благодарю за приглашение, но я, пожалуй, вернусь к себе.

Фредерик не наклонил, а почти уронил голову к плечу.

— Ос-суждаете? — Он икнул. — Н-напрасно. Я н-не такой уж любитель выпить, да и кузен Ал-лександр наверняка… Ах, к-кузина, вы д-даже не представляете, к-как он мне помог!

Каннингем? Помог? Против воли я заинтересовалась: неужели лорд поддерживал отношения с этой ветвью родового древа? Или Фредерик сейчас в переносном смысле?

— И чем же, если не секрет?

Фредерик вновь взмахнул рукой, указывая на кресло.

— П-прошу вас. В ногах правды нет.

Я засомневалась: а точно ли оно мне надо? Кто знает, что может стукнуть кузену в пьяную голову? С мрачноватым юмором подумала: «Нужно везде ходить с пистолетом», — и всё же подошла к креслам. Поставила свечу на изящный чайный столик и села так, чтобы он оказался между мной и кузеном.

— Слушаю вас со всем вниманием.

Фредерик тоже плюхнулся на софу. Теперь я видела, что у изголовья на полу стоят винная бутылка и бокал, наполовину полный бордовой жидкости. Кузен подцепил бокал, плеснув из него на персидский ковёр, сделал глоток и, растягивая звуки, произнёс:

— Чем мне помог кузен Александр? Да тем что умер!

У него вырвался пьяный смешок, и я с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться вновь. А Фредерик продолжал:

— Вы как-то спрашивали, кузина, преуспел ли я? Так вот, к несчастью, я не преуспел. А что виной? Людская неблагодарность! Я дал этим несчастным работу, возможность честным трудом зарабатывать на кусок хлеба, а они? Они захо-

тели большего! О-о, человеческая жадность, не зря ты названа одним из смертных грехов! Они захотели больше денег и меньше трудиться! Кричали, что не рабы, не негры! Пришли с факелами… — Кузена передёрнуло от воспоминания. — Они сожгли мой дом, кузина, только представьте! Чудом, просто чудом я остался жив! Бессовестные глупцы! Как они могли не понимать: я не виноват, что проклятые янки стали дешевле продавать свой луизианский сахар! Естественно (кузен запутался в звуках, потому у него вышло «ессно»), я был вынужден тоже снизить цену. Доходы упали, а кредиты… Понимаете, кузина, я ведь всё вложил в эту злосчастную плантацию! Все средства, какими владел… Заложил Саут-лодж… Но теперь я его выкуплю, уж будьте покойны! А плантация… Да пропади она пропадом! Пусть забирают: хоть банк, хоть эти мерзавцы-работники! Я теперь и без них… без них…

Бокал выпал у него из пальцев, и разлившееся вино окончательно испортило ковёр. Голова кузена упала на грудь, а сам он весь обмяк, буквально на полуслове сморённый пьяным сном.

«Китайская подделка», — вспомнила я своё определение. Эх, Каннингем, какую же глупость ты сделал, оставив титул и состояние… этому.

— Так угас великий род, — пробормотала я под нос и встала с кресла.

Подошла к Фредерику, не без брезгливости подняла бокал и бутылку и поставила их на стол. Посомневалась: стоило ли проявлять человеколюбие? Не зря ведь говорят, что ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. И всё-таки положила в изголовье гобеленовую подушку и осторожно толкнула кузена в бок, побуждая принять горизонтальное положение. Фредерик с неуклюжестью ростовой куклы опустился на софу, что-то пробормотал. Поминая недобрым словом свою привычку заботиться даже о тех, о ком не стоило бы, я подняла его ноги на сиденье, и кузен завозился, устраиваясь поудобнее. Не открывая глаз, пробормотал заплетающимся языком:

— К-кузина, а з-знаете что? В-выходите з-за меня. Клянусь, лучшего мужа вам…

И окончательно замолчал, уступив алкоголю.

— Ну да, конечно! — с ядовитой насмешкой фыркнула я вполголоса на последнюю фразу.

Однако тут же посерьёзнела, вспомнив народную мудрость: «Что у трезвого на уме…»

«Значит, он и впрямь намерен сделать мне предложение? Вот уж чего не хватало ко всем моим проблемам!»

С одной стороны, отказать ему труда не составит. С другой, ещё один неприятный разговор… А может, и не один: кузена может перемкнуть на глупости «Настоящая леди никогда не принимает предложение с первого раза», и тогда он начнёт регулярно выносить мне мозг.

«Главное, чтобы, оскорбившись, не решил как-нибудь подгадить, — хмуро подумала я, рассматривая Фредерика сверху вниз. Лицо у него сейчас было откровенно глупое, рот приоткрыт. — Надо постараться избегать тет-а-тет с ним до самого отъезда. И вообще, хорошо бы его поскорее закружила светская жизнь. За десятком вьющихся вокруг завидного жениха девиц на выданье обо мне можно запросто забыть».

Кузен всхрапнул, зачмокал губами, бормоча что-то невнятное, и я брезгливо скривилась. Подхватила свечу, не без сожаления мазнула взглядом по полкам: нет, почитать мне сегодня не грозит, — и тихо вышла из библиотеки в тёмный коридор. Затворила дверь, повернулась, чтобы идти к себе, и чуть за сердце не схватилась.

— Ох! Что же ты так пугаешь!

Глава 20

— Доброй ночи. — Взгляд неслышно подошедшего Райли был тёмен и внимателен. — Не спится?

Я неловко усмехнулась.

— Как всегда перед важными событиями.

Райли понимающе кивнул: он знал об этой моей особенности. И сразу же с менторскими нотками заметил:

— Однако всё равно не стоит ходить ночью одной. На кухне говорили, что новый хозяин засел в библиотеке с бутылкой портвейна. Хорошо, что вы с ним не встретились.

У меня вырвался смешок.

— Да нет, встретилась. — И спеша развеять возможное недопонимание, продолжила: — Он спит там на софе. Портвейн оказался крепче.

Райли неодобрительно поджал губы: то ли на Фредерика, то ли на мою способность влипать в, кхм, ситуации, то ли на то и другое вместе. А затем сдержанно, но не подразумева-

ющим отказа тоном сказал:

— Я провожу вас в вашу комнату.

И я приняла его беспокойство.
— А почему ты бродишь по дому в такой час?

Мы неторопливо поднимались по лестнице, и Райли высоко держал свечу, которую забрал у меня.

— Привычка.

Короткий ответ, однако каким-то чутьём я уловила за ним продолжение.

— Только привычка?

Мы поднялись на второй этаж, где располагались хозяйские спальни, и остановились вначале длинного коридора с винным ковром на полу и портретами прошлых поколений семьи Каннингем на стенах.

— Ещё воспоминания. — Райли не стал запираться. — С этим домом у меня связано… многое. А в прошлый раз я в нём почти не задержался.

Прошлый — это перед моим отъездом в Колдшир, когда Каннингем приставил его сопровождать меня под личиной слуги.

Я скользнула взглядом по картинам, с которых на нас свысока смотрели аристократически красивые люди в старинных костюмах.

— Тебе тоже его жаль? Я имею в виду Каннингем-холл.

Райли сдержанно кивнул, и я вновь подумала, какой всё-таки идиот мой покойный супруг.

Хотя, возможно, у него просто не было выбора: правила есть правила, и неважно, насколько наследник ничтожество.

— Быть может, кузен Фредерик удачно женится, — продолжая собственные мысли, произнесла я.

— Быть может, — эхом откликнулся Райли, и обсуждение угасло.

Мы в молчании подошли к двери моей спальни. Я потянулась к подсвечнику в руке Райли, и наши пальцы встретились на тёплом металле. Сердце дрогнуло, дыхание сбилось — и ведь от такой малости!

— Доброй ночи, моя леди.

Взгляд — тёмный до замирания в груди. Голос — глубокий, как океанская пучина.

«Нам нельзя…»

И всё равно я сделала это: лёгкий шажок навстречу, быстрое прикосновение губами к уголку губ — и оказалась в крепком объятии.

Что-что, а реакция у Райли всегда была прекасная.

Врочем, он почти сразу отпусил меня, и я отступила, пока нам обоим ещё было возможно удержаться в рамках благоразумия.

— Доброй ночи.

Заминка, и Райли всё же отпустил подсвечник. На всякий случай шагнул назад — ах, как же хорошо я его понимала! И потому тоже поспешила взяться за дверную ручку.

Поворот, щелчок собачки. Прохладная, пахнущая лавандой темнота спальни. И полированное дерево двери, отделившее нас друг от друга.

«Нельзя. Не здесь. Не сейчас».

Я не удержала тяжёлый вздох. Год обязательного траура, и лишь потом можно будет что-то планировать. А пока необходимо блюсти репутацию: в обществе, где мужчине прощают многое, женщине не спустят и малости.

«Идиотские правила!»

Да, но хотя бы в столице их стоит придерживаться.

Невольно ссутулившись, я подошла к кровати и поставила свечу на столик у изголовья. Опустилась на постель, машинально поправила подушку: скорее бы завтра! Расквитаться с аудиенцией, поговорить с родителями Мэриан и уехать.

И пошла она лесом, светская жизнь.

С ещё одним вздохом я скинула туфли и забралась под одеяло. Время за полночь, а значит, нового дня ждать совсем недолго. И вообще, надо поспать, чтобы не пугать короля кругами под глазами. Или с ними у меня будет более скорбный вид?

Я широко зевнула и сомкнула веки.

Неважно. Спать.

И, как ни удивительно, вскоре и впрямь уснула.

***

Утро было серым и готовым вот-вот расплакаться. Спустившись к завтраку, я узнала, что Фредерик сказался больным (абсолютно предсказуемо после таких возлияний), и эгоистично порадовалась этому обстоятельству. Уселась за стол, кое-как впихнула в себя полтарелки каши и чай и поспешила вернуться в комнаты: пора было собираться.

Горничная помогла мне переодеться к королевской аудиенции. Цвет платья остался всё тем же траурно-чёрным, однако шерсть сменил бомбазин и чёрные же кружева. Я вспомнила, с каким горестным видом Лили перекрашивала в Колдшире мои вещи, и по-доброму усмехнулась: девушку это обстоятельство расстраивало гораздо сильнее, чем меня.

Между тем горничная собрала мои волосы в строгую причёску и прикрыла её кружевной мантильей. Гагатовые бусы, пара перчаток — и я была полностью готова.

— Сбегай узнай, подана ли карета, — попросила я служанку, и та бросилась выполнять поручение.

Вернулась она быстро с докладом, что всё готово. Я спустилась в холл, где меня уже дожидался Райли — как будто ещё более пасмурный, чем обычно. Мы не договаривались, что он поедет со мной, но это и так подразумевалось.

Райли вежливо открыл передо мной дверь, а когда мы по-

дошли к карете, на козлах которой восседал неизменный Олли, помог забраться в экипаж. Сказал:

— Поеду рядом с кучером.

— А если дождь? — с беспокойством уточнила я, на что получила короткую, словно проблеск солнца среди туч, улыбку.

— Не страшно. Не растаю.

Он захлопнул дверцу, не дав мне высказать откровенно наседкино замечание насчёт «инфлюэнцы». Вскочил на козлы, и карета без промедления тронулась с места. Оглядываясь на фасад особняка, я заметила выглядывавшего из окна Фредерика — кузен преодолел похмелье, чтобы хоть так проводить меня.

«Похвальный подвиг», — съязвила я и, усевшись ровно, нервно сжала ладони.

В голове крутилась строчка из цоевской «Песни без слов»: день вызывает меня на бой.

— Что же, пожелай мне удачи в бою, — пробормотала я и длинно выдохнула, стараясь взять себя в руки. — Пожелай

мне удачи.

Глава 21

Кованые ворота, за которыми начиналась территория дворца, оказались закрыты. Однако усатые гвардейцы в алых мундирах без промедления их распахнули, услышав: «Леди Каннингем на аудиенцию к его величеству!». Карета въехала на широкую дорожку, вымощенную столь хорошо подобранными и плотно подогнанными камнями, что казалось, будто мы едем по тротуарной плитке. Правивший лошадьми Олли заставил их красиво обогнуть роскошный фонтан и остановиться точно напротив парадного крыльца.

«Ну, приехали».

Сердце бухало отбойным молотком, ладони неприятно взмокли — ни в прошлой, ни в этой жизни общаться с власть предержащими мне не доводилось. И даже ободряющая улыбка, которую подарил мне напоследок Олли, вкупе с твёрдой рукой помогшего выбраться из экипажа Райли не могли уменьшить мою нервозность.

— Не беспокойтесь, — вполголоса сказал мне Райли, когда мы торжественно поднимались по ступенькам мраморного крыльца. — Я выясню, куда надо идти.

— Спасибо! — Я сама не ожидала, что в этом выдохе

будет столько облегчения. И страшно пожалела, что нельзя взять спутника под руку — или хотя бы быстро пожать ему ладонь. Ведь Райли до сих пор пребывал в амплуа управляющего, то есть человека немного повыше слуги. И даже шёл он не рядом со мной, а чуть позади, как того требовал этикет.

Резная дверь из чёрного дерева послушно распахнулась перед нами, впуская в огромный холл. Высотой потолков, изящной лепниной, а главное — многоярусной хрустальной люстрой он напомнил мне театральный зал, и я ухватилась за ассоциацию.

Это спектакль, в котором я играю леди Каннингем, вдову. Это не на самом деле, а значит, нет смысла трястись, как заяц.

— Леди Каннингем? Доброе утро.

Я вздрогнула, а неслышно приблизившийся лакей в напудренном парике и алой ливрее отвесил почтительный поклон и продолжил:

— Позвольте проводить вас в Малый павильон. — Тут он покосился на Райли и добавил: — С вашего позволения, без сопровождения.

Верно, приглашали ведь только меня. Я на секунду пой-

мала взгляд спутника и с достоинством кивнула лакею:

— Веди.

Он послушно заскользил по начищенным до блеска плитам пола, а я двинулась следом, прямая, словно палку проглотила.

Меня провели несколькими коридорами, которые сторожили рыцарские доспехи и портреты надменных людей в роскошных одеяниях, и вывели на изумрудно-зелёную лужайку. За ней начинался обширный парк с широкой центральной аллеей, затенённой раскидистыми дубами. Но долго идти по ней не пришлось: на первом же перекрёстке лакей повернул вправо, затем влево, и наконец мы подошли к уменьшенной копии афинского Парфенона — очевидно, тому самому Малому павильону. Рядом располагался небольшой прудик с цветущими лилиями, а на его берегу стоял светловолосый человек в белом парчовом костюме и задумчиво смотрел на воду.

— С вашего позволения.

Лакей поклонился и быстро зашагал обратно: свою миссию он выполнил. А я, дико робея, но стараясь сохранять уверенный вид, двинулась вперёд. Приблизилась к человеку и присела в глубоком реверансе.

— Доброе утро, ваше величество.

— Доброе, леди Каннингем. — Король одарил меня улыбкой. — Подойдите, взгляните. Этих карпов мне преподнёс посол Ниппони. Как они вам? Говорят, символизируют силу воли и успех.

Я послушалась и тоже заглянула в пруд. Там и в самом деле плавали крупные бело-красные рыбы с роскошными хвостом и плавниками.

— Очень милы, ваше величество.

Король отчего-то хмыкнул, а затем повёл рукой:

— Не желаете пройтись? Вы ведь не были здесь?

— Нет, ваше величество. Сочту за честь.

Чем дольше длился этот ниочёмный разговор, тем больше возвращалось ко мне уверенности. Король — я бы дала ему около сорока — был человеком не столько красивым, сколько породистым и в целом производил неплохое впечатление.

А значит, надежда завершить аудиенцию к своей пользе тоже только крепла.

Мы неспешно двинулись по дорожке: я помалкивала, памятуя о субординации, спутник как будто размышлял о чём-то. И заговорил, лишь когда мы свернули на сумрачную еловую аллею.

— Я ещё раз выражаю вам соболезнования, леди Каннингем. Ваш муж, без преувеличения, был одним из оплотов королевства. Жестокая, очень жестокая утрата.

Я сильно сомневалась, что король придерживался подобного мнения при жизни почившего: зря, что ли, он принудил лорда к женитьбе? Однако ответила сообразным случаю:

— Спасибо, ваше величество. Ваша поддержка бесценна для меня.

Король вежливо кивнул и продолжил:

— Поправьте, если ошибаюсь, но ваш замок, Колдшир, серьёзно пострадал?

Разговор закручивался всё интереснее.

— Да, ваше величество. — И я кратко пересказала оставленные Брендой разрушения.

— Розы… — протянул король. — Да, их по-настоящему жаль. Камни можно отстроить, но вот цветы…

— Один кустик уцелел, — напомнила я. — А значит, всё можно возродить.

— Разумеется, — согласился король. — Однако понадобится много времени и сил.

«И денег».

Впрочем, вслух я это не сказала — решит ещё, что выпрашиваю у него золото.

— Я надеюсь, — между тем продолжал король, — ваш супруг позаботился о вашем достойном существовании?

Вот теперь надо было говорить очень аккуратно.

— Титул лорда Каннингема унаследовал его кузен, ваше величество.

— Да-да, — отмахнулся король. — Мне уже принесли прошение об аудиенции. Мы сейчас не о нём, леди Каннингем, а о вас.

— Я получила Колдшир.

Король остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Колдшир и…

Я беззаботно улыбнулась в ответ.

— И всё.

Король едва заметно приподнял бровь, однако уронил лишь:

— Понятно.

Мы продолжили шествие по аллее, и минут через пять молчания, спутник вновь заговорил:

— Знаете, леди Каннингем, ваши розы произвели здесь, в столице, невероятное впечатление. Они поистине чудесны: букет до сих пор стоит у её величества в спальне, и она утверждает, будто с розами стала гораздо лучше спать. Мне бы очень хотелось, чтобы это чудо вновь стало доступным для всех жаждущих его.

Так, теперь не спугнуть.

— Мне тоже, ваше величество.

Мы вышли на небольшую площадку, в центре которой мраморная наяда с сосредоточенным видом лила из кувшина воду.

— Скажите, леди Каннингем… — Король вновь остановился. — Вы уже получили приглашение на бал в честь открытия сезона?

К чему это он?

— Нет, ваше величество.

— Я распоряжусь, чтобы вам его отправили.

Собеседник выдержал паузу, однако я не решилась встревать в неё с объяснениями, что хочу как можно скорее уехать. И король продолжил:

— Приходите на бал, леди Каннингем. Возможно, к тому времени найдётся какой-нибудь способ помочь чуду вернуться в нашу обычную жизнь.

— Какой-нибудь способ? — забывшись, уточнила я, и ко-

роль загадочно улыбнулся.

— Приходите на бал. Там всё узнаете.

Глава 22

— Он не сказал ничего конкретного.

Разумеется, я не могла не поделиться результатом аудиенции с Райли и с трудом сдержалась, чтобы не начать тараторить сразу же, как его увидела. Однако когда мы сели в карету (на этот раз Райли повиновался моему едва заметному жесту-приглашению), без промедления выплеснула на молчаливого и внимательного слушателя все свои впечатления, не стараясь даже быть особенно дипломатичной.

И получила откровенность на откровенность. Выслушав меня, Райли немного помолчал и проронил:

— Если бы он желал бескорыстно помочь, сделал бы это сразу.

— Согласна. — Я машинально поправила накинутую на плечи шаль: после аудиенции мне стало откровенно зябко, словно разговор с королём высосал всё внутреннее тепло. — Но теперь придётся остаться ещё на неделю.

Райли кивнул и молча взял мои ледяные пальцы в свои, согревая. Я благодарно улыбнулась ему, однако тут же посе-

рьёзнела, не в силах отвлечься от мыслей о будущем.

Визит во дворец не прояснил его от слова «совсем». Каков же будет результат визита к родителям Мэриан?

— Ужасное ощущение, — пробормотала я и без промедления получила вопрос:

— Какое?

— Как будто… — Я запнулась, формулируя. — Это сон, в котором убегаешь от неведомой опасности, а воздух вокруг плотный, как вода. Вот и я, — против воли уголки губ дёрнулись вниз, — пытаюсь убежать от безденежья и банкротства, прилагаю все силы, но двигаюсь очень-очень медленно.

— Есть охотничий домик, — напомнил Райли, и я, высвободив из пожатия одну руку, положила ладонь поверх его кисти.

— Да. И это не даёт мне отчаяться. Но знаешь, о чём я подумала? Может, тебе и вправду договориться, чтобы Фредерик выплатил всю денежную часть наследства сразу? Положишь её в банк на счёт, и пусть себе лежит. Иначе как бы не вышло, что в один прекрасный момент у кузена просто не останется денег для выплаты.

— Я тоже об этом думал после вчерашнего. — Вспоминая пьянку, Райли поморщился с лёгкой брезгливостью. — Так и сделаю сразу же по приезде. Позже, боюсь, Фредерику будет не до этого.

— Званый обед у моих родителей, — с пониманием подтвердила я. — Как никогда желаю сёстрам успеха.

Райли вопросительно приподнял брови, и я в нескольких словах описала ему вчерашнее впечатление, произведённое кузеном на мою родню, и реакцию оной родни.

Однако вердикт, вынесенный Райли, меня разочаровал.

— Вряд ли, — спокойно заметил он. И развернул мысль: — Не обижайтесь, моя леди, но я успел пожить среди этого круга и уверенно говорю: это будет мезальянс. Даже несмотря на ваши родственные отношения. Сандро мог пренебречь мнением высшего света (тем более его к этому вынудили) и ничего не потерять. Но Фредерик — никогда. Как только ему намекнут, что ваши сёстры не пара высокородному лорду, он забудет о «родственных визитах».

— Логично, — пробормотала я, естественно, ни капли не обидевшись. — Надеюсь, это распространится и на меня то-

же.

Уже заканчивая фразу, поняла, что сболтнула лишнее, но затолкать слова обратно было невозможно.

— На вас? — Райли насторожился, как овчарка, учуявшая чужака. — Фредерик что-то говорил вам? Намекал?

— Только с пьяных глаз, — призналась я. — Предложил выйти за него замуж.

Линия челюсти Райли обрела пугающую жёсткость, заставляя поспешно добавить:

— Он вряд ли решится, он ведь трус — ты сам видишь. Просто надо не давать ему повода и поскорее уехать.

— Если он хотя бы краем взгляда оскорбит вас, — Райли как будто меня не слышал, — у рода Каннингем не останется наследников.

— Не глупи. — Теперь я обоими ладонями сжимала его сжатую в кулак руку. — Такому, как он, меня не оскорбить. А ещё одну дуэль из-за себя я не хочу.

Поймала взгляд Райли и с нажимом закончила:

— Давай будем благоразумными.

Долгая пауза, и наконец Райли без желания проронил:

— Хорошо, моя леди.

И пускай не было сомнений, что он моментально пренебрежёт своим «хорошо», если решит, что я (или моя честь) нуждаюсь в защите, пришлось довольствоваться этим.

***

— Ну-с, дорогая кузина, как прошла ваша аудиенция? Как его величество, в добром ли здравии?

— В полнейшем, — заверила я Фредерика, оклемавшегося после похмелья настолько, что вышел меня встречать. Выглядел он, правда, не цветуще, но многие дамы наверняка посчитали бы это «интересной бледностью». — Кстати, кузен, он упомянул вас. Сказал, что видел ваше прошение об аудиенции.

— О. — Фредерик без промедления расправил плечи с самым важным видом. — Приятно слышать, что король сам вспомнил обо мне. Всё-таки род Каннингемов занимает не последнее место в государстве. Надеюсь, правда, что меня не призовут ко двору сегодня — не хотелось бы огорчать вашу

матушку и прелестных сестёр невозможностью приехать.

— Я тоже надеюсь, — с милой улыбкой поддакнула я.

Про себя же, однако, подумала, что с гораздо большим удовольствием съездила бы в гости одна. Но увы, в этом деле судьба взяла сторону кузена, и потому на обед, назначенный на шесть часов пополудни, мы поехали с ним вдвоём.

Глава 23

— Лорд Каннингем! Счастлив приветствовать, счастлив знакомству… Мэриан, дочь! Добро пожаловать, добро пожаловать, проходите!

Сэр Хьюго слишком много суетился, но я понимала: он желал произвести на гостя наилучшее впечатление. Имея виды на замужество одной из дочерей? Или просто желая польстить новоиспечённой «высокородности»? Как бы то ни было, я сознательно держалась позади Фредерика, позволяя родителям и сёстрам Мэриан обихаживать его со всех сторон.

И хмуро думала про себя, что с таким подходом придётся приезжать сюда ещё раз: вряд ли у меня получилось бы отвлечь сэра Хьюго от гостя.

Зато Фредерик откровенно наслаждался тем, что все крутились вокруг него. С королевской милостью он принял и лучшее место за столом, и первую тарелку белого супа, поданную ему хозяйкой, и первый ломоть от куска запечённой оленины, отрезанный для него хозяином дома. Кузен снисходительно улыбался, шутил (каждая острота неизменно подхватывалась общим смехом), делился случаями из Вест-Индии (естественно, не тем, как у него сожгли дом).

Словом, к концу вечера у родных Мэриан должно было сложиться непоколебимое мнение о нём, как, помимо прочего, о богатом плантаторе.

«Интересно, получится ли у него повторить этот фокус на светских раутах? — размышляла я, отстранённо наблюдая за театром одного актёра. — Или здешнее высшее общество быстро его раскусит? Хотя какая мне разница? Главное, чтобы он не путался под ногами, как делает это сейчас».

Тем временем подали десерт, что означало: вскоре всё общество сможет перебраться в гостиную.

— Вы ведь не против чуточку потанцевать, дорогой кузен? — игриво вопросила Джорджиана. — Мне кажется, танцы станут чудесным завершением нашего семейного обеда. А аккомпанировать попросим Мэриан. — В брошенном на меня взгляде чувствовалось плохо скрытое злорадство. — Она всё равно в трауре.

— Боюсь, не смогу быть в этом полезной, — парировала я и попёрла напролом: — Папенька, если вы не возражаете, я бы хотела поговорить с вами кое о чём.

— Говори, дочка. — Раскрасневшийся от вкусной еды и поданного портвейна сэр Хьюго был полон благости.

— Вряд ли уместно обсуждать дела за столом, — мягко заметила я.

— Снова дела? — Фредерик наморщил нос. — Дорогая кузина, отдохните же хоть немножко! Вы в лоне любящей вас семьи!

«В лоне любящей тебя семьи, хочешь сказать?» — мысленно съязвила я. И всё тем же бархатным тоном произнесла:

— И всё же, папенька, уделите мне буквально десять минут. Обещаю, что не задержу вас дольше.

— Дорогая… — с нотками недовольства начала леди Джейн, однако сэр Хьюго её перебил:

— Хорошо, Мэриан. Идём в кабинет, и ты расскажешь, совет в чём тебе понадобился. Прошу нас извинить, лорд Каннингем.

— О, разумеется! — барственно махнул тот, и я с трудом удержала насмешливое фырканье.

Потрясающий типаж. Такого только к Теккерею на страницы «Ярмарки тщеславия».

Однако вслух ограничилась вежливым:

— Спасибо, папенька. Прошу нас извинить.

И мы с сэром Хьюго оставили Фредерика царить в «дивном цветнике», как он в момент поэтического вдохновения обозвал женскую часть семьи Броуди.

***

Эту комнату я помнила по воспоминаниям Мэриан: именно здесь бедняжке объявили, что её руку и сердце выиграл в карты высокородный лорд Каннингем.

Как и в тот раз, сэр Хьюго усадил меня в слегка потёртое, но удобное кресло. Поворошил угли в камине, подкинул дров и грузно опустился в своё кресло за письменным столом, неряшливо заваленным бумагами.

— Слушаю тебя, дочка.

Я чинно сложила ладони на коленях и с самым невинным видом поинтересовалась:

— Скажите, папенька, мне ведь положено какое-то наследство после вашей смерти?

Сэр Хьюго поперхнулся: он ожидал, что я обращусь к его

мудрости, а не к карману.

— Зачем тебе, Мэриан? — ответил он вопросом на вопрос, наконец совладав с удивлением.

И я пошла ва-банк.

— Мой замок, Колдшир, нуждается в серьёзном ремонте. — Упоминать о долгах я всё же не стала. — Потому я хотела попросить вас сразу выдать мне долю наследства — господин Майлз, поверенный Каннингемов, сказал, что подобное возможно.

— Д-да, возможно. — Сэр Хьюго замялся. — Так редко делают, но я слышал…

Он замолчал, пожевал губами и, поняв, что отступать некуда, признался.

— Однако видишь ли в чём дело, Мэриан. В твоём брачном контракте написано… Словом, лорд Каннингем, понимая положение нашей семьи, был настолько любезен, что взял тебя с одной лишь сотней золота приданого. Это и была твоя доля наследства.

Глава 24

Сотня золотом?

Почему-то именно озвученная сумма — мизер, как понимала я теперь — задела сильнее, чем тот факт, что с этой стороны мне рассчитывать не на что.

— Так мало? — Я требовательно смотрела сэру Хьюго в лицо. — Разве дела нашей семьи настолько плохи?

Собеседник отвёл глаза. Прочистил горло и вновь посмотрел на меня.

— Мэриан, пойми правильно…

Уже настораживает.

—…судьба распорядилась так, что ты в одночасье вознеслась, став леди Каннингем. Вряд ли Фортуна была бы настолько благосклонна к твоим бедным сёстрам. Их единственный шанс на выгодную партию — хорошее приданое, и потому я решил…

— Вы решили отдать мою долю Кэти и Джорджи, — хо-

лодно перебила я.

— Только потому, что ты уже была обеспечена больше, чем возможно мечтать! — с жаром напомнил сэр Хьюго, и у меня дёрнулась щека.

На языке крутилась злая и ядовитая отповедь, однако я сдержалась. Медленно поднялась из кресла — собеседник машинально последовал моему примеру, — смерила отца Мэриан говорящим взглядом и сухо уронила:

— Я поняла вас.

Развернулась, чтобы выйти из кабинета, но сделала всего лишь шаг, как услышала:

— Мэриан! Я… я смогу найти ещё сотню золотых, если тебе так нужны…

Я повернулась под шелест юбок и всё тем же льдистым тоном подтвердила:

— Нужны. Буду признательна, если вы выпишете чек до окончания сегодняшнего вечера. А пока прошу извинить: вернусь к маменьке, сёстрам и кузену Фредерику.

И поскольку больше сэр Хьюго ничего не сказал, покинула кабинет.

***

Пока мы беседовали, общество перебралось в гостиную, и оттуда уже доносились звуки весёлой польки.

«Не иначе леди Джейн усадили тапёром», — через силу усмехнулась я и поняла, что совершенно не хочу сейчас видеть родственников Мэриан.

Да, они вряд ли были в курсе — с женщинами здесь редко советовались и даже о принятых решениях оповещали не всегда. Но всё-таки мною пренебрегли ради них, и я всерьёз сомневалась, что смогу сейчас удержать маску светской доброжелательности.

Тем не менее выбора не было. Помешкав у порога, я заставила себя тихонько отворить дверь и проскользнула в гостиную в лучших традициях Мышки Мэриан.

Здесь и впрямь царило беззаботное веселье. Фредерик умудрялся танцевать одновременно с двумя партнёршами, леди Джейн с энтузиазмом аккомпанировала, и вряд ли кто-то из них заметил, что в комнате появилось ещё одно действующее лицо.

Не желая привлекать внимания, я вдоль стены добралась до самого дальнего угла гостиной и опустилась на небольшой

пуфик. Взяла со стоявшего рядом геридона забытую кем-то книжку, раскрыла её на первой странице и ускользнула мыслями и от ровных строчек текста, и от шумной чужой радости.

Если отвлечься от обиды, сотня золотых — тоже подспорье. Но неужели мне всё же придётся взять деньги у Райли? Ужасно неловко: он и так столько сделал для меня и для Колдшира! Взамен же получил дырку в плече, обвинение в разбое (к счастью, снятое, но тем не менее) и девицу, помешанную на полуразрушенном замке.

А теперь ещё и без финансовой подушки останется.

Значит, вся надежда на короля? Внутри царапнуло дурное предчувствие: ох, лучше бы он тоже отказал! Тогда я скрепила бы сердце и отнесла кредиторам из «Хорнер, Гилби и Ко» сотню от сэра Хьюго и денежную часть наследства Райли. А затем, расквитавшись хотя бы с этим (по крайней мере, я надеялась расквитаться), ввела бы режим жёсткой экономии до тех пор, пока розы снова не зацветут.

Естественно, это случится не за год и не за два, но не мне привыкать жить в условиях тотального дефицита. Жаль только, что чем дольше откладывать ремонт, тем сильнее будет ветшать и разрушаться замок. Но тут уж ничего не поделаешь.

— Мэриан, дорогая! А я и не заметила, как ты вернулась!

Выдернутая из мыслей, я поняла, что музыка смолкла, и подняла взгляд на подошедшую леди Джейн. Отложила книгу и только собралась выдавить из себя что-то приличествующее ситуации, как в разговор встрял Фредерик.

— Кузина Мэриан, надеюсь, с делами закончено? — игривым тоном осведомился он. — Не желаете ли присоединиться к нам? Я понимаю, вы в трауре, но обещаю: об одном маленьком танце никто не узнает!

Он подмигнул мне и приложил палец к губам, а я с великим трудом сдержала гримасу брезгливости.

Похоже, кузен окончательно разомлел от женского внимания и забыл о всяких приличиях.

Леди Джейн, видимо, считала так же. По крайней мере, её взгляд, брошенный на Фредерика, был полон осуждения. И я, чувствуя за собой поддержку, поднялась с пуфика и прохладно сказала:

— Простите, кузен, но я всё же не стану пренебрегать правилами. К тому же время достаточно позднее. Вам не кажется, что мы и так злоупотребили гостеприимством наших великодушных хозяев?

На лицах Кэтрин и Джорджианы отразилась злость, щедро сдобренная презрением.

Неужели они усмотрели в моих словах ревность? Воистину, дурочки.

— Нет-нет, никакого злоупотребления! — взмахнула руками леди Джейн. И наконец сообразила ещё одну вещь: — Дорогая, а где сэр Хьюго?

Я не успела ответить. Поименованный сэр собственной персоной вошёл в гостиную.

— Прошу прощения за задержку, — с нотками виноватости произнёс он, обращаясь к Фредерику. — Просто Мэриан задала мне одну задачку… — Он кашлянул и протянул мне узкий конверт. — Вот, дочь. То, о чём ты просила.

— Благодарю, папенька. — Я не глядя убрала конверт в ридикюль. — И хочу извиниться: кажется, у меня начинается мигрень. Поэтому я была бы крайне признательна…

Я со значением посмотрела на кузена, и тот вынужденно подхватил:

— Кузина права, мы и так слишком задержались. Даже для семейного ужина.

Тут родители Мэриан принялись уверять, что это не так, а мы в ответ — благодарить за чудесный вечер, и все эти взаимные расшаркивания заняли ещё добрую четверть часа. Но наконец был отдан приказ подавать карету, и ещё через четверть часа мы с кузеном в неё погрузились, увозя самые горячие заверения в родственных чувствах.

Впрочем, Фредерик так и не пригласил «дивный цветник» в гости, а лишь пообещал сэру Хьюго увидеться в клубе.

«Неужели случилось то, что предсказывал Райли, и он осознал: сёстры Броуди ему не пара? — думала я, искоса наблюдая за кузеном. — Или настолько уверился в собственной неотразимости, что теперь готов перейти к следующему этапу и очаровать дам из высшего общества? А Кэти и Джорджи оставить запасным аэродромом на случай, если там не срастётся?»

Тут, на моё несчастье, Фредерик решил, что молчание в карете затянулось, и принялся рассыпаться в комплиментах всему и вся в доме родителей Мэриан. Под его болтовню мы добрались до Каннингем-холла, и я при первой же возможности сбежала к себе, отговорившись всё той же мигренью.

Однако стоило мне оказаться одной в коридоре второго

этажа, как я торопливо достала из ридикюля конверт сэра Хьюго. Вынула оттуда обещанный чек, прочла написанную сумму и едва не расхохоталась.

Сто двадцать золотых. Максимальная сумма, какую отец Мэриан сумел оторвать от сердца ради младшей дочери.

Глава 25

— Знаешь, не скажу чтобы сильно рассчитывала на родственников, да и золото лишним не бывает. Но почему-то до сих пор не могу справиться с разочарованием.

Мы с Райли вновь гуляли по саду, обсуждая невесёлое положение Колдшира. Стояло раннее утро: я опять плохо спала ночью и предпочла подняться с первыми лучами солнца. Природа просыпалась — благоуханная, умытая росой. Алмазики капель блестели на бутонах роз (обычных, красных и белых), на клумбах пылали костры георгинов и астр. Осень уже перешагнула через порог, и её приметы чувствовались везде: в тонко пахнувшем влагой и увядающими листьями воздухе, в золотых «пятачках» среди пока ещё густой зелени деревьев, в буйстве осенних цветов.

— Это понятно. — Райли шёл рядом со мной, на всякий случай заложив руки за спину. — От семьи обычно ждёшь поддержки, а не оправданий о том, почему тебя вдруг лишили наследства.

— Да уж, — вздохнула я. И постаралась вернуть себе деловой тон: — Как считаешь, чек лучше обналичить?

Райли покачал головой.

— Отдадим Гилби как есть. Бумажка занимает меньше места, чем кошель с монетами.

Я кивнула, получив подтверждение собственным мыслям, и с запинкой поинтересовалась:

— У тебя получилось поговорить с Фредериком?

— Пока нет. — Чем Райли был заметно недоволен. — Он весь день столь виртуозно избегал встречи, что можно лишь позавидовать такому мастерству. Тем не менее сегодня я обязательно его поймаю. Кстати, вы помните, какова в точности сумма колдширского долга?

Я назвала: число было клеймом выжжено в памяти. И запоздало подумала: зачем ему? Чтобы знать, сколько конкретно требовать от нынешнего лорда Каннингема?

Впрочем, уточнять не стала, и разговор перешёл на обсуждение архитекторов, которые могли бы взяться за восстановление замка. Пусть в нашей ситуации это звучало, как если бы курьер приценивался к особнякам в уверенности, что однажды станет гендиром, я считала: стоит быть готовыми и к самому плохому, и к самому невероятному.

За разговорами мы проделали ещё один круг по саду и когда подошли к лужайке перед особняком, Райли с неохотой

произнёс.

— Надо расходиться. Мало ли что могут подумать.

— Слуги? — Я неосознанно скользнула взглядом по фасаду дома и как будто впрямь увидела белый чепец, мелькнувший в одном из окон.

Райли кивнул.

— Большинство из них славные люди, — произнёс он. — Однако в семье не без урода.

Грейс, поняла я. Да, верно подмечено.

И тоже без желания ответила:

— Хорошо. Ты иди, а я ещё пройдусь.

Райли со значением кашлянул.

— Я бы не советовал вам гулять одной. Чтобы не очутиться вдруг в нежелательном обществе.

И снова он был прав: пускай Фредерика нельзя было назвать жаворонком, кто знает, какая вожжа могла попасть ему

под хвост? А уединённый уголок в саду как нельзя лучше подходил для предложения руки и сердца, например.

— Ладно, — вздохнула я. — Вернусь в свои комнаты. Но как только поговоришь с кузеном, сразу сообщи мне результат. Договорились?

Райли ответил кивком, и мы расстались. Я вернулась в особняк и, счастливо избежав любых неприятных встреч, поднялась к себе.

Читать, думать, пытаться вышивать и мерить шагами комнаты.

***

Приглашение принесли во время ланча, поэтому скрыть его от Фредерика не получилось.

Впрочем, я бы всё равно не смогла уехать на бал тайком, так что огорчаться по этому поводу было глупо.

— Так вы всё-таки пойдёте? Да вы мистификатор, дорогая кузина!

Фредерик говорил шутливым тоном, однако я видела его уязвлённость и решила, что правильнее будет объяснить.

— Таково было пожелание его величества. Сама бы я, разумеется, никуда не поехала из-за траура.

Хотела как лучше, а получилось как всегда.

Лицо у кузена заметно вытянулось, и он, с натяжкой выдерживая равнодушный тон, протянул:

— Ах вот оно что! Согласен, перед желаниями королей невозможно не склониться. Жаль только…

Фредерик со вздохом оборвал фразу, и я была вынуждена подхватить:

— Вы о чём-то сожалеете?

— Да, — с напускной неохотой признался кузен. — К несчастью, моё приглашение где-то затерялось, несмотря на то, что старина Джосер обещал похлопотать. Да и ответ на прошение об аудиенции тоже. Хотя, если не ошибаюсь, вы упоминали, будто его величество говорил обо мне.

— Именно, кузен, — подтвердила я. — Не огорчайтесь. Скорее всего, здесь какая-то досадная накладка. Вы ведь сами говорили: род Каннингемов — один из столпов королевства.

Фредерик покивал, однако засиживаться за столом, против обыкновения, не стал. А когда мы были у двери столовой, неожиданно произнёс:

— Кузина, если позволите, я бы хотел сказать вам кое-что. Вы не против пройти в кабинет?

Упс. И как тут быть, снова назваться больной? Он ведь наверняка собрался делать предложение.

Хотя постойте, в кабинете? Не самое романтичное место.

— Уверяю, это не займёт много времени, — видя, что я колеблюсь, прибавил Фредерик.

Ладно, рискну.

— Хорошо, кузен. Давайте поднимемся в кабинет.

Глава 26

— Кхм. Кузина, я заранее приношу извинения, что вынужден коснуться столь деликатной темы…

Я сидела в кресле для посетителей и смотрела на Фредерика, оставшегося стоять у стола. На то, как он машинально поправляет письменный прибор, как бросает на меня взгляд, от неловкости отводит глаза и принимается делать вид, будто впервые видит висящий над камином щит с родовым гербом. Насколько же это поведение отличалось от всегда уверенного в себе Каннингема! И насколько не шло кабинету покойного лорда.

—…Я понимаю, что это досужие сплетни, тем более среди слуг…

Я насторожилась.

—…но поймите и вы: на все болтливые языки узду не накинешь. Поэтому… — Фредерик сделал паузу, чтобы набрать в грудь воздуха. — Поэтому я прошу вас отослать вашего управляющего из Каннингем-холла.

Что-о? У него там от портвейна мозг ссыхаться начал?

Разумеется, вслух я ничего подобного не выдала, однако на моём лице всё отразилось более чем понятно. И Фредерик поспешил пояснить:

— Я не настаиваю, чтобы он вернулся в Колдшир. Достаточно, если просто переберётся куда-нибудь в гостиницу. Я даже готов оплатить его проживание!

— Крайне великодушно с вашей стороны. — Странно, как от моего тона столешница не покрылась инеем. — Однако я до сих пор не понимаю, чем вызвано подобное предложение.

Я специально не сказала «требование», подчёркивая: не кузену требовать от меня чего бы то ни было.

Фредерик прочистил горло и невнятно произнёс:

— Видите ли, кузина, ваши отношения… Конечно, это полнейшая выдумка, но люди болтают… Эти утренние прогулки, то, что он сопровождает вас везде…

— Не везде, — резко поправила я. — Вчера, например, меня сопровождали вы — это тоже повод для злых языков?

Кузен не нашёлся с быстрым ответом, и я продолжила:

— А что до прогулки по саду, то только чёрная, завистливая натура может усмотреть в ней что-то предосудительное. В Колдшире я привыкла вставать рано, а поскольку здесь у меня нет кабинета, где можно было бы обсудить дела и отдать распоряжения, приходится делать это на свежем воздухе. Не приглашать же Райли в мои комнаты, согласны?

Фредерик торопливо закивал: да, это было бы куда скандальнее. И я жёстко завершила:

— Потому я всей душой благодарна вам за заботу, однако уверяю: опасения, подозрения и наветы абсолютно беспочвенны. И, кстати, рекомендовала бы присмотреться к доносчику: распускать грязные слухи о хозяевах — крайне дурная манера.

— Согласен с вами! — с жаром подхватил Фредерик. — Но всё же я бы очень рекомендовал удалить…

— Пойти на поводу у сплетен — значит признать их справедливость, — отрезала я. — А ни на мне, ни на Райли вины нет.

Поднялась из кресла и льдисто уточнила:

— Это всё, дорогой кузен? Или у вас есть, что ещё мне сказать?

Будь на месте Фредерика Каннингем, он бы продолжил настаивать и, возможно, даже угрожать. Однако кузен смог лишь промямлить:

— Н-нет, кузина.

Тогда я величественно кивнула и, сухо пожелав доброго дня, покинула кабинет.

***

Грейс! Вот же дрянь! У меня не было сомнений, что это она постаралась. И как же я сожалела, что не могла её уволить! Печальный опыт с Брендой научил меня: если держать гадину подле себя, рано или поздно она ужалит. И хорошо, если обойдётся без динамита.

Но «кадровый вопрос» Каннингем-холла был епархией Фредерика, и я сильно сомневалась, что кузен прислушается к моему намёку о доносчице. Мелькнула малодушная мысль рассказать обо всём Райли: он умел затыкать излишне болтливых, причём одним лишь моральным давлением. Однако я быстро отбросила эту идею: мы не Колдшире, чтобы идти на открытый конфликт. Нам бы просто продержаться до ко-

ролевского бала, а потом уехать из столицы не оглядываясь. Так что пусть Грейс довольствуется тем, что к её навету отнеслись, словно его и не было.

Но храни её все высшие силы попытаться подгадить ещё раз. Никогда не вела себя как стерва, но, пожалуй, в этом случае добьюсь от Фредерика замены экономки.

Так я думала, яростно меряя шагами свою гостиную. И лишь когда поняла, что более или менее успокоилась, решила сесть за письмо в Королевское архитектурное общество. Мы с Райли сошлись на том, что нелишним будет написать его председателю и попросить рекомендации: кого бы он посоветовал для восстановления Колдшира.

— Обычная рекогносцировка, — назвал эту идею Райли. — Раз уж мы плохо разбираемся в подобном, надо спросить совета.

— Но не станет ли он продвигать фаворитов? — высказала я подводный камень, и Райли спокойно отозвался:

— Естественно, станет. Потому попросите его назвать ещё и тех, к кому точно не стоит обращаться.

Я оценила «военную хитрость», и добрых полчаса сочиняемое письмо содержало обе просьбы. Я перечитала текст,

присыпала бумагу мелким песком, чтобы убрать излишки чернил, и аккуратно вложила письмо в конверт. Звонком вызвала Бэрридона и, когда тот явился, отдала ему послание со словами:

— Это нужно отправить господину Бёртону, председателю архитектурного общества. К сожалению, я не знаю адреса…

— Положитесь на меня, госпожа, — поклонился дворецкий, верно поняв недосказанность.

Благодарно улыбнувшись, я отпустила его, но буквально через пару минут в дверь гостиной опять постучали.

Причём стуком, который я давно научилась узнавать.

«Ещё один повод для Грейс», — пронеслось в голове, однако я отмахнулась от трусливой мыслишки и внятно разрешила:

— Входи.

Дверь без промедления открылась, и, подтверждая мою догадку, через порог шагнул Райли.

— Я ненадолго, — сразу успокоил он. — Только хотел рассказать, что наконец переговорил с Фредериком.

— И? — Я невольно затаила дыхание.

— Он долго мялся. — По лицу Райли скользнуло выражение брезгливости. — Не сказал в итоге ни да ни нет — якобы ещё недостаточно вник в дела. Однако я добился от него обещания дать чёткий ответ послезавтра.

Послезавтра. В день королевского бала.

— Ну что же. — Я очень постаралась не пустить в голос разочарование. — Чай, не мокнем под дождём. Подождём.

Глава 27

Я была уверена, что оставшиеся полтора дня станут для меня самыми тягучими в жизни. Ещё бы: заняться нечем, из комнат не выйти, чтобы не наткнуться на кузена, с Райли по саду не побродить, чтобы не давать повода сплетням. Однако судьба милостиво решила отвернуть от меня свою филейную часть, и после завтрака Бэрридон принёс мне ответ председателя архитектурного общества. В письме господин Бёртон сначала выразил все возможные соболезнования, а затем предложил встретиться сегодня во второй половине дня и лично обсудить интересующие меня вопросы.

Разумеется, после такого я немедленно вызвала Райли и, дав ему прочесть письмо, безапелляционно постановила:

— Поедешь со мной.

И мысленно показала Фредерику, Грейс и всем прочим сплетникам неприличный жест.

На этой встрече управляющий Колдшира просто обязан был присутствовать.

Таким образом в три пополудни мы вдвоём сидели в большом и светлом кабинете на втором этаже здания на Портланд-Плейс, которое занимало Королевское архитектурное

общество. Господин Бёртон — первый мужчина на моей памяти, кому шли сильные залысины — принял нас со смущающим гостеприимством. Угостил чаем с тающим во рту печеньем и не просто обстоятельно изложил мне все ответы на заданные в письме вопросы, но и закончил словами:

— Ко всем вышеперечисленным господам я осмелюсь добавить и свою кандидатуру. Я ведь тоже не просто так занимаю место председателя. — Тут он не удержался и горделиво подкрутил густые усы. — Более того, кого бы вы не выбрали, леди Каннингем, общество возьмёт на себя его вознаграждение. Таким образом, вам понадобятся лишь средства для ремонта замка.

— Это бесконечно великодушно с вашей стороны! — Я с чувством прижала ладонь к груди. — Но не сочтите за праздное любопытство: почему архитектурное общество решило сделать мне столь весомый подарок?

Бёртон кашлянул.

— Это целиком моя идея, леди Каннингем. Видите ли, матушка — большая поклонница ваших роз. Ей повезло увидеть их ещё дебютанткой, когда господин Гамильтон, прежний владелец Колдшира, преподнёс его величеству букет. Цветы произвели на матушку столь глубокое впечатление,

что она пронесла его через всю жизнь. И когда уже в преклонном возрасте узнала, что розы Колдшира зацвели вновь и их даже возможно купить, приобрела у вас три цветка.

Три цветка?

Я наморщила лоб.

— Простите, что перебиваю, господин Бёртон, но как зовут вашу почтенную матушку?

— Эмилия Лэмтон, — ответил председатель. — Вы помните этот заказ?

Я улыбнулась с тенью грустинки.

— Конечно, господин Бёртон. Их ведь было не так много, а каждый цветок я срезала и готовила к дороге сама. Я помню заказ от госпожи Лэмтон и прошу передать ей мои приветствия.

— Непременно передам, — пообещал председатель. — Так вот, возвращаясь ко вчерашнему дню, когда я получил ваше письмо. Я не мог не рассказать о нём матушке, и она строго наказала мне всячески помогать вам в деле восстановления замка. Поскольку те три розы до сих пор стоят в

вазе свежие, как будто сорваны сегодня. И матушка говорит, что ей спокойно рядом с ними и даже как будто становится больше сил.

— Очень рада это слышать, господин Бёртон, — серьёзно ответила я. — Но не из-за преференций, которые получила благодаря доброте и чувствительности вашей матушки. Мне радостно, что синие розы Колдшира дарят толику своего чуда тем, кто в нём нуждается.

— Воистину так, — склонил голову председатель.

Мы поговорили ещё немного, а затем распрощались с господином Бёртоном. И уезжая с Портленд-Плейс, я, пожалуй, впервые чувствовала: столица — это не только постоянное напряжение и ожидание подвоха с любой стороны. В ней есть и свет: например, хорошие люди и чудесные невянущие цветы.

Под влиянием этого ощущения мне захотелось проведать леди Джейн (видеть остальных родственников Мэриан я даже сейчас желанием не горела). И поскольку Райли молча принял мою блажь, верный Олли повернул лошадей не к Каннингем-холлу, а к дому, который снимал сэр Хьюго для своей семьи.

И вот честно, лучше бы я не поддавалась этому «души прекрасному порыву». Леди Джейн с дочерьми собралась на прогулку в Гайд-парк — ещё каких-то пять минут, и я вооб-

ще не застала бы их дома. Причём складывалось стойкое впечатление, что явись я вместе с Фредериком, все планы были бы без промедления отложены. А так мы буквально пять минут посидели в гостиной на краешках стульев и кресел, и я откланялась. Конечно, леди Джейн пригласила меня составить им компанию, однако сёстры Мэриан сделали такие лица, что я без раздумий отказалась. Распрощалась со здешней роднёй и, когда карета тронулась по направлению к Каннингем-холлу, задумчиво сказала сидевшему напротив Райли:

— Пожалуй, больше мы не увидимся. Разве что по какому-нибудь печальному поводу.

— Вы огорчены? — проницательно уточнил Райли, и я призналась:

— Немного.

Всё-таки леди Джейн была добра ко мне. Хотя бы тем, что помогла вспомнить, каково это: когда тебя обнимает мама.

Райли немного помолчал и заметил:

— Иногда лучше хранить светлые образы в памяти и не давать настоящему разрушить их.

— Да. — Я постаралась улыбнуться как можно беспечнее. — Полагаю, это мой случай.

Райли подался вперёд, жестом поддержки сжал мою руку, и я с благодарностью ответила на пожатие. Однако о чём подумала в тот момент, так и не сказала.

Заботливые близкие в прошлом, двое против столицы в настоящем, а что насчёт будущего?

Глава 28

На бал я поехала в том же платье из чёрной тафты, которое надевала на аудиенцию у короля. Возможно, это было моветоном — дважды приходить в одном наряде, однако я не видела смысла срочно шить что-то новое. И деньги лучше было поберечь, и вообще — я на этот бал ехала не по своей воле. Сочтут за деревенщину, ну фиг с ними.

— Хотите, я заменю Олли на месте кучера? — предложил Райли утром дня «Бэ».

Вопрос далеко не праздный: если смотреть на ситуацию со стороны, то управляющему Колдшира незачем было ехать в Бэкингемский дворец. Тем более Фредерик тоже получил приглашение, пускай и в последний момент. Таким образом, сопровождающий у меня уже имелся, и неважно, какие эмоции я испытывала от его кандидатуры.

— Спасибо большое, но не стоит. — Ох, какое усилие мне пришлось сделать, чтобы отказать ему! — Не будем давать лишний повод для досужей болтовни.

Райли обдумал мои слова и с крайним нежеланием склонил голову, признавая их разумность.

— Постараюсь не задерживаться, — попыталась я подсластить пилюлю. — Танцевать всё равно не буду из-за траура. — Хотя бы здесь от него польза. — Так что просто покажусь королю и тихонько исчезну.

— Я буду ждать вашего возвращения, — серьёзно пообещал Райли, и я не сдержала улыбку, полную влюблённой нежности и благодарности.

И вот в назначенный час, когда столичные фонарщики шли по улицам, зажигая фонари, от Каннингем-холла отъехал отмытый до блеска экипаж. Будь сейчас день, его металлические детали сияли бы под лучами солнца, но и в неярком вечернем освещении на них то и дело вспыхивали блики. Лошади звонко цокали по мостовой, выгибали шеи — как будто тоже чувствовали, что едут на королевский бал.

Сидевший напротив меня кузен был одет в строгий чёрный костюм с фраком, а его шейный платок был завязан столь сложным узлом, что одобрил бы сам Оскар Уайльд. При этом цвет лица Фредерика лишь самую малость уступал бледностью цвету рубашки, а пальцы кузена то и дело без нужды поправляли золотые запонки на накрахмаленных манжетах. Если же добавить к этому, что за всю поездку Фредерик произнёс едва ли десяток слов, становилось окончательно понятно, насколько он нервничал.

Естественно, я тоже была неспокойна. Правда, не столько из-за бала как такового, сколько из-за обещания короля

предложить нечто для спасения Колдшира. Мне пророчески казалось: он сделает «предложение, от которого невозможно отказаться», и что я тогда буду делать? Как выкручиваться?

Тревожные мысли пульсировали в висках в такт стуку лошадиных копыт. А впереди уже сверкал Бэкингемский дворец, в чьи гостеприимно распахнутые ворота вливался не иссякающий поток экипажей.

— Лорд Фредирик Каннингем! — крикнул Олли стражникам в алых мундирах, стоявших по обе стороны ворот. — Леди Мэриан Каннингем!

И мы беспрепятственно проехали на широкую площадь перед дворцом. Как и в прошлый раз, Олли остановил карету точно напротив парадного входа. Второй слуга, ехавший всю дорогу на запятках, немедленно соскочил на землю и распахнул дверцу экипажа, одновременно опуская подножку.

Можно было выходить, однако Фредерик отчего-то замешкался.

— Кузен, — мягко позвала я, и он, словно очнувшись, пробормотал:

— Да-да, прошу прощения.

Наконец выбрался из кареты, помог выйти мне, и мы чинно двинулись к широкой лестнице.

Входная двустворчатая дверь была открыта настежь. По бокам от неё стояли лакеи в париках и атласных ливреях и как заведённые кланялись гостям. Стоило же нам с Фредериком войти в холл, запомнившийся мне гулкой тишиной и сумраком, а сейчас полный звуков голосов и света, как перед нами чёртиком из табакерки возник высокий пожилой господин в богато расшитом жилете. На груди у него висела толстая золотая цепь с королевским гербом, к поясу был подвешен лакированный ящичек из красного дерева.

— Лорд Каннингем. Леди Каннингем. — Господин отвесил нам почтительный поклон. — От лица его величества приветствую вас в Бэкингемском дворце. Прошу, следуйте за мной.

Он провёл нас из холла через короткий коридор к очередной распахнутой двери, из которой лились свет, музыка и гул голосов. Войдя первым, господин остановился у большого золотого гонга. Ударил по нему и под поплывший мелодичный звон провозгласил:

— Высокородный лорд Фредерик Каннингем! Благородная леди Мэриан Каннингем!

И мы с кузеном тоже шагнули через порог.

Конечно, я не рассчитывала, что на нас совсем не обратят внимания. Но оказаться под таким перекрёстным огнём полных любопытства взглядов тоже была не готова.

— Леди Каннингем? Та самая? Розы?..

Я почувствовала, что у меня начинают пылать кончики ушей. Покосилась на Фредерика и успела поймать на его лице обиженное выражение.

«Да, ощутимый удар по самолюбию», — мелькнула мысль, а затем мне стало не до размышлений и наблюдений. К нам приблизился один из гостей (кажется, он был и на приветственном балу у Каннингема, когда я всеми силами разыгрывала дурную хозяйку) — статный, высокий брюнет лет сорока. Он несколько свысока поздоровался с Фредериком («Лорд Джосер!» — не без подобострастия отозвался кузен, в лицо не решавшийся назвать собеседника «стариной») и буквально рассыпался передо мной в обходительных фразах.

Завязался ниочёмный разговор, и не успела я опомниться, как оказалась стоящей у одного из высоких окон в окружении незнакомых или смутно знакомых лордов и леди. Что-то отвечала на их вопросы, старалась поменьше нервно улыбаться (всё-таки вдова), и мысленно молилась, чтобы какое-нибудь событие отвлекло всех этих людей. Никогда не

мечтала оказаться на месте Скарлетт О'Хара во время приёма у Уилксов, и вот поди ж ты.

На моё несчастье, вышло ещё так, что эта толпа исподволь оттеснила Фредерика, забрав у меня возможность перекидывать мячик разговора кузену, а самой получать небольшую передышку. И я уже всерьёз подумывала извиниться и куда-нибудь сбежать, когда судьба наконец смилостивилась. По залу поплыл очередной звук гонга, и королевский распорядитель торжественно сообщил:

— Его величество Георг V, милостью высших сил король Соединённого королевства, и её величество королева Мария!

Глава 29

«Слава-тебе-господи!»

Меня моментально оставили в покое: все взгляды устремились на вход в зал, голоса и музыка стихли. Однако стоило пышно одетой королевской чете перешагнуть через порог, как музыканты без промедления ударили по струнам и клавишам. И пока король и королева торжественно шествовали к находившейся в конце зала платформе с двумя тронами, музыка гремела, а гости старались протиснуться поближе к переднему ряду коридора, по которому двигалась августейшая пара.

Таким образом я осталась у окна в одиночестве (Фредерик, естественно, тоже поспешил занять местечко на глазах у их величеств). Момент, чтобы уйти не прощаясь, был идеальный, но… Но мне тоже надо было отметиться перед королём.

«Пусть начнутся танцы, — решила я. — К тому времени он должен будет увидеть меня: только слепой не заметит чёрное пятно на пёстром фоне. Тогда и уйду, не дожидаясь обещанного разговора о Колдшире. Ну её, эту королевскую помощь. Сами справимся».

Не зря же классик пустил в народ фразу про «минуй нас пуще всех печалей». А так получится, что и пожелание монарха выполнила, и сама не подставилась.

Придерживаясь этой стратегии, я самым верноподданническим образом выслушала королевское приветствие. Когда же вновь грянула музыка, и королевская чета, как полагалось, открыла бал элегантной кадрилью, нарочно постаралась держаться поближе к танцующим, чтобы на меня обратили внимание.

Но вот наконец, музыка стихла, и я с чувством выполненного долга стала пробираться к выходу из зала. Однако везение мне изменило: я нарвалась на лорда Джосера, с которым пришлось вновь завязать пустой разговор.

А потом среди общей болтовни прозвучала фраза, заставившая меня насторожиться.

— Без вашего почившего супруга еженедельные партии в королевский вист стали на редкость скучны, — заметил высокородный собеседник. — Его величество не единожды сокрушался об этом.

— Но, возможно, утрату сможет восполнить новый лорд Каннингем? — предположила я, и Джосер едва заметно поморщился.

— Не уверен, леди Каннингем. Совсем не уверен. А кста-

ти, вы не увлекаетесь карточными играми? Ваша дивная красота и приятные манеры стали бы подлинным украшением любого вечера.

Только этого мне не хватало!

— Боюсь, в картах я не смыслю ровным счётом ничего, — поспешила заверить я.

— Жаль, очень жаль, — вздохнул Джосер, уж не знаю, насколько искренне, и перевёл разговор на обсуждение танцев.

Тем не менее эпизод оставил неприятное послевкусие. Были ли слова лорда обычным трёпом ради трёпа, или за ними что-то крылось? В любом случае они стали для меня ещё одним знаком: пора валить из столицы. Болото великосветской жизни тихой сапой затягивало меня всё глубже и глубже, а это было совершенно не тем, к чему я стремилась.

Потому, когда лорд Джосер наконец извинился и оставил меня ради оговорённого танца с какой-то леди, я, почти не скрывая торопливости, устремилась к выходу из бального зала. Успела заметить Фредерика, с важным видом вёдшего на танец девицу в белом платье дебютантки, и с усмешкой подумала, какой удар получили бы сёстры Мэриан, присутствуй они здесь.

А уже у самой двери у меня столь характерно зачесалось между лопатками, что невозможно было не обернуться. Я

скользнула глазами по толпе, пребывающей в неостановимом броуновском движении, и сцепилась взглядами с Лаурой Хэмптон — супругой лорда Хэмптона и любовницей Каннингема.

«Тебе-то что нужно?» — агрессивно подумала я. Тёплых чувств к Лауре, понятное дело, у меня не было: терпеть не могу предателей. И судя по взгляду последней, она отвечала «невзрачной мыши» (как окрестила Мэриан в случайно подслушанном мной приватном разговоре) тем же.

Игра в гляделки длилась около минуты, пока наконец Лаура не уступила и не отвернулась с напускным высокомерием.

«Так-то лучше», — насмешливо подумала я.

А затем, вернувшись к делам насущным, выскользнула из зала. Быстрым шагом прошла по коридору, пересекла пустынный холл и под любопытствующими взглядами лакеев вышла на широкое крыльцо. Оставалось лишь найти карету и благополучно уехать.

— Леди Каннингем, прошу прощения.

Невольно дёрнувшись, я повернулась к подошедшему лакею, и тот, на всякий случай отвесив мне поклон, продол-

жил:

— Его величество ожидает вас у Малого павильона. Пожалуйста, следуйте за мной.

Глава 30

В дворцовом парке было безлюдно; мастерски вписанные в ландшафт фонари освещали дорожки мягким светом, создавая флёр таинственности. Из горящих золотом окон дворца доносилась музыка; при желании можно было различить за ними движущиеся тени.

Мне было зябко: то ли сказывалось нервное напряжение, то ли прохлада осеннего вечера. Под ногами поскрипывал мелкий гравий дорожки, мягко скользивший впереди лакей казался прислужником потусторонних сил.

Наконец мы вышли к знакомому прудику, на берегу которого мистично белел Малый павильон. На первый взгляд здесь никого не было, однако, присмотревшись, я различила между мраморными кариатидами фигуру мужчины.

— С вашего позволения. — Как и в прошлый раз лакей удалился, едва выполнив поручение.

А я уже в одиночестве приблизилась к павильону, и поджидавший меня король милостиво вышел из-под его свода.

— Добрый вечер, леди Каннингем. Рад, что вы пришли.

— Добрый вечер, ваше величество. Как я могла ослушать-

ся?

Король негромко хмыкнул.

— Что-то мне подсказывает: вполне могли. Впрочем, неважно. Как вам бал? Полагаю, он был бы веселее, имей вы возможность танцевать, однако сами понимаете: приличия.

— Я не скучала и без танцев, — заверила я и подумала, что человеку, пекущемуся о приличиях, в принципе не стоило приглашать на бал вдову.

И уж тем более устраивать с ней тет-а-тет в полутёмном парке.

— Надеюсь, вы говорите это не из вежливости, — между тем отозвался король. Выдержал паузу и продолжил: — Как бы то ни было, я пригласил вас сюда не только затем, чтобы обсудить сегодняшний праздник. Ваше жизненное положение до сих пор неустойчиво, верно?

Вопрос был откровенно риторическим, но поскольку от меня явно ожидали ответ, я послушно подтвердила:

— Да, ваше величество.

— Увы. — Король как будто даже вздохнул. — Такова участь женщины, оставшейся без мужской защиты один на один с равнодушным миром. Однако, если устранить главную причину такового положения, все проблемы сразу же станут разрешимы.

Погодите, это что? Намёк, что неплохо бы мне поскорее снова выйти замуж?

— Ваше величество, я потеряла супруга едва ли месяц назад. — «Если вдруг у тебя склероз».

— Я помню, — хладнокровно кивнул король. — Однако власть монарха велика. Я могу дать вам специальное разрешение, поскольку всей душой ратую за ваше благополучие.

«Да что ты говоришь!»

Хорошо, что в парке был полумрак, а я успела прикусить язык. Король же, не подозревая о моей реакции на его слова, продолжал:

— Сегодня на балу собрался весь цвет королевства. Присмотритесь, леди Каннингем. Я уверен: не найдётся того холостяка, который окажется равнодушен к вашей редкой красоте. Воистину, вы пришли в простом траурном платье, од-

нако затмили всех леди, разряженных в яркие шелка. Так ваши дивные розы затмевают любые цветы, которые ставят рядом с ними.

То есть мне достаточно ткнуть пальчиком, и королевская воля обяжет «избранника» жениться, как это было с Каннингемом?

— Благодарю за совет, ваше величество. — Боженька, благослови даром дипломатии! — Однако я всё же не хотела бы спешить в столь серьёзном вопросе, как новое замужество. Положение моё сложное, однако не настолько, чтобы срочно разыскивать жениха.

— Вы уверены? — Тон собеседника звучал по-дружески, однако я почти физически ощущала чужое давление. — Насколько мне представляется, между вами и покойным супругом не было горячих чувств, иначе я не завёл бы этот разговор. Подумайте, леди Каннингем. Возможно, у вас уже есть кто-либо на примете?

Мне вдруг ужасно захотелось поверить в чудо и назвать Райли. Пусть король сам благословит наш мезальянс, чем заткнёт глотки всем любителям злословия.

Однако разумом я понимала: вся эта подводка отнюдь не

для того, чтобы выполнить моё желание. За ней крылось что-то ещё: например, кандидатура, выбранная королём.

И потому я сдержанно ответила:

— Нет, ваше величество. Пока мне не до матримониальных планов, и я искренне надеюсь, что вы не станете настаивать на моём скорейшем замужестве.

— Что вы, леди Каннингем! — незамедлительно открестился король. — Те дикие времена, когда монарх своей волей распоряжался личной жизнью вдовы, давно канули в Лету. И раз вы уверены, что новый брак вам пока не нужен…

Я решительно кивнула, невербально подтверждая: да, уверена.

—…то, возможно, вы согласитесь на поддержку вне брака?

Э-э-э. Я точно поняла эвфемизм правильно?

— Прелестная леди Каннингем. — Король шагнул ко мне, разом оказавшись чересчур близко. — Что вы думаете о том, чтобы занять давно пустующее место королевской фаворитки?

Глава 31

То есть разговор о новом замужестве был не более чем вентилированием вопроса, насколько я свободна? А реальная цель сегодняшнего приглашения — вот она?

У меня даже челюсть заныла оттого, с какой силой я стиснула зубы. Королям ведь не отказывают. А те, кто всё же решаются на это, рискуют почти смертельно. Но согласиться… Согласиться я не могла.

— Безмерно польщена, ваше величество. — Было непросто, но я смотрела ему в лицо со всей возможной твёрдостью. — Однако боюсь, я не гожусь ни для столь высокого статуса, ни для блеска королевского двора. Если бы не ваша воля, я уже была бы на пути к пустошам Хайланда, которым моё сердце отдано навечно.

Король изогнул бровь.

— Вы уверены? Прозябать в нищете провинции вместо того, чтобы блистать в столице? Ну же, леди Каннингем. Не глупите.

Он поднял руку, собираясь коснуться моей щеки, и я на автомате отпрянула. Спрятала кулаки в складках юбки: да,

от этого человека за

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.